

Произведение размещено на сайте Российской Литературной Сети www.ogarev.org.ru.
 Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.
 Администратор сайта: Мария Семенова. Желаем Вам приятного чтения!

Огарев Николай Платонович — Избранные стихотворения

Н.П.Огарев. Избранные стихотворения

СОДЕРЖАНИЕ

"Огонь, огонь в душе горит..."
 "Когда в часы святого размышленья..."
 А. Герцену
 Аллея
 На смерть поэта
 К друзьям
 Смутные мгновенья
 Шекспир
 "Я видел вас, пришельцы дальних стран..."
 Дорожное впечатление
 "Итак, с тобой я буду снова..."
 "В тюрьму я был брошен, отослан в изгнание..."
 Старый дом
 Деревенский сторож
 Кремль
 На смерть Л<ермонтов>а
 Le sauchemar
 Кабак.
 Много грусти!
 Полдень.
 Другьям
 Хандра
 "Гуляю я в великом божьем мире..."
 Обыкновенная повесть
 Изба
 Дилижанс
 "К подъезду! - Сильно за звонок рванул я.."
 "На севере туманном и печальном..."
 Прощание с Италией
 Искандеру ("Я ехал по полю пустому..")
 Отъезд
 Монологи
 Упование.
 Год 1848

"В пирах безумно молодость проходит..."

1849 год

Арестант

К Н. <А. Тучковой>

"Я виноват, быть может, в многом..."

Сплин

Сон

Первая любовь

"Тот жалок, кто под молотом судьбы..."

Весною

"Ты сетуешь, что после долгих лет..."

"Проклясть бы мог свою судьбу..."

"Я наконец оставил город шумный..."

<Е. Ф.> Карту

И<сканде>ру ("В уныньи медленном недуга и леченья...")

Предисловие к "Колоколу"

Отступнице

К <В. А. Панаеву>

Летом

Свобода (1858 года)

Осенью

У моря

Напутствие

Бабушка

"По краям дороги..."

Воспоминания детства

Юноше

"Все превосходное..."

"Свисти ты, о ветер, с бессонною силой..."

Памяти Рылеева

"Вырос город на болоте..."

"И если б мне пришлось прожить еще года..."

Михайлову

Вихрь

Тате Г<ерцен>

"Береза в моем стародавнем саду..."

Ехi1

"Мой русский стих, живое слово..."

Моцарт

Студент

Грановскому

"Сегодня настроен мой мозг музыкально..."

На новый год

Моя улица в Гринвиче

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Огонь, огонь в душе горит
И грудь и давит и теснит,
И новый мир, мечта созданья,
Я б тем огнем одушевил,
Преград где б не было желаньям
И дух свободно бы парил -
Все будет ясно предо мною,
Сорву завесу с бытия,
И все с душевной полнотою,
Все обойму вокруг себя.
Мне не предел одно земное
Душе - от призрака пустой,
В ней чувство более святое,
Чем прах ничтожный и немой.
Кто скажет мне: конец стремленью?
Где тот, кто б дерзкою рукой
Границу начертал мышленью
Непреступимую чертой?
Черту отринув роковую,
Я смело сброшу цепь земную.
Согретый пламенной мечтой,
Я с обновленною душой
Помчусь - другого мира житель -
Предвечной мысли в светлую обитель!

1832

* * *

Когда в часы святого размышленья
Мысль светлая в твой ум вдруг западет,
Чиста и пламенна, как вдохновенье,
Она тебя возвысит, вознесет;
Она не даром заронилаь,
Как божество к тебе она,
Чудесной жизнью полна,
Из стран небесных ниспустилась.
Пусть говорят с улыбкою презренья:
Она есть плод обманутой мечты, -
Не верь словам холодного сужденья:
Они чужды душевной теплоты.
О! если с чувством мысль сроднилась,
Поверь, она не обольстит:
Она не даром заронилаь
И святость истины хранит.

1833

А. ГЕРЦЕНУ

Друг! весело летать мечтою
Высоко в небе голубом
Над освещенною землею
Луны таинственным лучом.
С какою бедною душою,
С каким уныньем на челе
Стоишь безродным сиротою
На нашей изменной земле.
Здесь все так скучно, скучны люди,
Их встрече будто бы не рад;
Страшишь прижать их к пылкой груди, -
Отскочишь с ужасом назад.
Но только тихое сиянье
Луна по небу разольет
И сна тяжелое дыханье
Людей безмолвьем окует -
Гуляй по небу голубому
И вольной птичку скорей
Несись к пределу неземному.
Ты волен стал в мечте своей;
Тебя холодным изреченьем
Не потревожит злой язык;
Ты оградишься вдохновеньем,
Свою ты душу им проник.
О! дай по воле поноситься
В надземных ясных сторонах:
Там свет знакомый мне светится,
Мне все родное в небесах;
Прощусь с землею хоть на мгновенье,
С туманом скучным и седым,
И из-за туч, как из боренья
Между небесным и земным,
Я полечу в пределы света,
И там гармония миров
Обворожит весь ум поэта.
Там проблеснет любимых снов
Давно желанная разгадка.
В восторга полный, светлый час
Перестает нам быть загадкой -
Что было тайного для нас.

До 1834

АЛЛЕЯ

Давно ли, жизньию полна,
Ты так шумела, зеленея,
А ныне стала так грустна,
Лип голых длинная аллея?
В замену листьев пал мороз
На ветви белыми иглами;
Глядят из-под седых волос
Печально липы стариками.
В ночи, как призраки, оне
Качают белой головою,
И будто кланяются мне
С какой-то дружбой и тоскою.
И самому мне тяжело!
И я стареть уж начинаю!
Я прожил весну и тепло,
И сердце на зиму склоняю!
Но что грустить? Весна придет -
Вновь зиму сплечем мы, аллея!
Вновь радость в сердце оживет,
Вновь зашумишь ты, зеленея.

1830-1835

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

(По перечтении "Е<вгения> 0<негина>")

Зачем душа тоски полна,
Зачем опять грустить готова,
Какое облако волна
Печально отразила снова?
Мечтаний тяжких грустный рой
Поэта глас в душе поэта
Воззвал из дремоты немой.
Поэт погиб уже для света,
Но песнь его еще звучит,
Но лира громкими струнами
Звенит, еще с тех пор звенит,
Как вдохновенными перстами
Он всколебал их перед нами.
И трепет их в цепи времен
Дойдет до позднего потомства,
Ему напомнит скорбно он,
Как пал поэт от вероломства

И будет страшный приговор
Неумолим. Врагов поэта
В могилах праведный укор
Отыщет в будущие лета,
И кости этих мертвецов,
Уж подточенные червями,
Вздоргнут на дне своих гробов
И под согнившими крестами
Истлеют, прокляты веками.
Но что ж! но что ж! поэта нет!
Его ж убийца - он на воле,
Красив и горд, во цвете лет,
Гуляет весел в сладкой доле.
И весь, весь этот черный хор
Клеветников большого света,
В себе носивший заговор
Против спокойствия поэта,
Все живы, все - а мести нет.
И с разъяренными очами
Им не гналась она вослед,
Неся укор за их стопами,
Не вгрызлась в совесть их зубами...
А тот, чья дерзкая рука,
Полмир цепями обвивая,
И не согбенна и крепка,
Как бы железом облитая,
Свободой дышащую грудь
Не устыдилась своевольно
В мундир лакейский затянуть, -
Он зло, и низостно, и больно
Поэта душу уязвил,
Когда коварными устами
Ему он милость подарил
И замешал между рабами
Поэта с вольными мечтами.
Из лавр и терния венец
Поэту дан в удел судьбою,
И пал он жертвой наконец
Неумолимою толпою
Ему расставленных сетей;
Земля, земля, зачем ты губишь
Прекрасных из твоих людей!
Одну траву растишь и любишь,
И вянет злак среди полей;
Или, враждуя с небесами
Враждой старинною твоей,
Ты имя избранных меж нами
Гнетешь страдальчества цепями.
Пускай теперь слеза моя,
И негодуя и тоскуя,

Как дар единый от меня
Падет на урну гробовую;
И если в форме неземной,
Перерожденный дух поэта
Еще витает над страной
Уж им покинутого света -
Мою слезу увидит он
И незаметными перстами
Мне здешней жизни краткий сон
Благословит, с его скорбями
И благородными мечтами,

1837

К ДРУЗЬЯМ

Я по дороге жизни этой
Скачу на черном скакуне,
В дали, густою мглой одетой,
Друзья, темно, не видно мне.
Со мною рядом что за лица?
Куда бегут? Зачем со мной?
Скучна их пестрая станица,
Несносен говор их пустой.
В моих руках моя подруга,
Одна отрада на пути,
Прижалась, полная испуга,
К моей трепещущей груди.
Куда нас мчит бегун суровый?
Где остановит он свой бег?
И где приют для нас готовый?
Нам в радость будет ли ночлег?
Я по дороге жизни этой
Скачу на черном скакуне,
В дали, густою мглой одетой,
Друзья, темно, не видно мне.
Когда ж, случится, взор усталый
Назад бросаю я порой,
Я вижу радости бывалой
Страну далеко за собой.
Там ясно утро молодое,
Там веет свежею весной,
Там берег взброшен над рекою
И шумен город за рекой,
Но ту страну, душе родную,
Уже давно оставил я.
Там пел я вольность удалую,
Там были вместе мы, друзья,

Там верил я в удел высокий,
Там было мне осьмнадцать лет,
Я лишь пускался в путь далекий -
Теперь былого нет как нет.
И по дороге жизни этой
Я мчусь на черном скакуне,
В дали, густою мглой одетой,
Друзья, темно, не видно мне.

1837

СМУТНЫЕ МГНОВЕНЬЯ

Есть в жизни смутные, тяжелые мгновенья,
Когда душа полна тревожных дум,
И ноша трудная томящего сомненья
Свинцом ложится на печальный ум;
И будущность несется тучей издалёка,
Мрачна, страшна, без меры, без конца;
Прошедшее встает со взорами упрека,
Как пред убийцей призрак мертвеца.
Откуда вы, минуты скорбных ощущений,
Пришельцы злобные, зачем с душой
Дружите вы, ряды мучительных видений
С их изнурительной тоской?
Но я не дам вам грозной власти над собою,
И бледное отчаянья чело
Я твердо отгоню бестрепетной рукою -
Мне веру провидение дало;
И малодушия ничтожные страданья
Падут пред верой сердца моего,
Священные в душе хранятся упованья,
Они мой клад - я сберегу его.

1838

ШЕКСПИР

"На землю ступай, - провиденье сказало, -
И пристально там посмотри на людей,
Дела их твоя чтоб душа замечала
И в памяти ясно хранила своей.
Ты вырви в них душу и в смелом созданьи
Ее передай им ты в звучных словах,
И эти слова не исчезнут в предании
И вечно в людских сохраняются умах.

Иди же, мой сын, безбоязненно, смело,
Иди же, иди ты, мой избранный, в мир,
Иди и свершай там великое дело" ...
Сказало, решило - явился Шекспир.

1838

* * *

Я видел вас, пришельцы дальних стран,
Где жили вы под ношею страданья,
Где севера свирепый ураган
На вас кидал холодное дыханье,
Где сердце знало много тяжких ран,
А слух внимал печальному рыданью.
Скажите мне: как прожили вы там,
Что грустного в душе вы сохранили
И как тепло взывали к небесам?
Скажите: сколько горьких слез пролили,
Как прах жены вы предали снегам,
А ангела на небо возвратили?
Скажите мне: среди печальных дней,
Не правда ль, были светлые мгновенья?
И, вспоминая, как среди людей
Страдал Христос за подвиг искупленья,
Вы забывали ль гнет своих скорбей,
Вы плакали ль тогда от умиленья?
Я видел вас! Тогда клонился день,
Седая туча по горе ходила,
Бросая вниз причудливую тень,
И сквозь нее с улыбкою светила
Заря, сходя на крайнюю ступень,
Как ясный луч надежды за могилой.
А между тем кипели суетой
Беспечно жители земного мира,
Поклонники с заглохшею душой
Тщеславия бездушного кумира;
И только музыка звучала той порой,
Как бы с небес заброшенная лира.
Я видел вас! Прекрасная семья
Страдальцев, полных чудного смиренья,
Вы собрались смотреть на запад дня,
Природы тихое успокоенье,
Во взоре ясном радостно храня
Всепреданность святому провиденью.
Я видел вас в беседе ваших жен,
Я видел их! Страдалицы святые
Перенесли тяжелый жизни сон!..

Но им чужды проклятия земные,
 Любовь, смиренье, веру только он
 Им нашептал в минуты роковые.
 Я видел вас, и думал: проблеск дня,
 Исполненный святого упования,
 Поля в лучах вечернего огня
 И музыки и гром и замиранье -
 Не для детей земного бытия, -
 Для вас одних, очищенных в страданьи.
 И ты, поэт с прекрасною душой,
 С душою светлою, как луч денницы,
 Был тут, - и я на ваш союз святой,
 Далеко от людей докучливой станицы,
 Смотрел, не знал, что делалось со мной, -
 И вот слеза пробилась на ресницы.

1838

ДОРОЖНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Бледно сквозь дымное облако светит луна,
 Светит на белое поле;
 Холоден воздух летучий, земля холодна,
 Снег ее держит в неволе.
 Жалко мне бедную землю! В ней жизни уж нет,
 Все-то на ней леденеет,
 Холодны люди на ней, ах! и в них жизни нет,
 Сердце у них леденеет.
 К бедствиям ближних, к несчастьям, страданьям людей
 Сердце у них леденеет.
 К правде божественной, к голосу чистых страстей
 Сердце у них леденеет.
 Лишь себялюбье живет в нем, и гложет его
 Червь среди страшной могилы.
 Сердце холодное! Ах, отогреть мне его
 Вовсе нет, вовсе нет силы.
 Вырвать червя ядовитого силы мне нет,
 Воля ничтожна без силы.
 Жив я, однако! Спокойно гляжу я на всех -
 И умереть нету силы.

1839

* * *

Итак, с тобой я буду снова.

Мне уступить на этот раз
Судьба суровая готова
Еще один блаженный час.
Еще прекрасное мгновенье
Я в жизни скучной и пустой,
Как дар святого провиденья,
Отмечу резкою чертой;
И на страницах дней печальных,
Где много горестей святых,
Где много песен погребальных,
Где много пробелов пустых,
Где много пятен, сожалений,
Которых выскоблить нельзя,
И где так мало наслаждений
Еще успел отметить я, -
Я припишу, с душою ясной,
С благодареньем к небесам,
Еще строку любви прекрасной
К немногим радости строкам.
Скорей, ямщик, до назначенья!
Скорей гони своих коней,
Я весь горю от нетерпенья,
Мне миг свиданья дорог с ней.
Скажи; с тобой случилось, верно -
Ну, вот когда ты молод был, -
Расстаться с той, что ты безмерно
Душой и сердцем полюбил?
Ты помнишь, что тогда бывало
В груди истерзанной твоей?..
Итак, спеши ж во что б ни стало,
Гони, гони своих коней.
Вот хлопнул бич - и снег мятется,
И в брызгах пал на стороне -
Вот близко, близко - сердце бьется,
Мой друг, спеши навстречу мне...
О! с умиленною слезою,
Я на коленях пред тобой
За миг свиданья всей душою
Благодарю, создатель мой!..

1839

* * *

В тюрьму я был брошен, отослан в изгнанье,
Изведал я горе, изведал страданье,
Но все же я звал из печальной глуши
Свободу, владычицу твердой души.

Пришла наконец, будто свет среди тьмы,
Как воздух прохладный средь душной тюрьмы,
И голос мне вдруг пробежал близ ушей:
"Вот ключ от затворов тюремных дверей,
Я дам его женщине, тебе их она
Отворит, - я буду тебе отдана".
Растворены двери, и что ж вижу я?
О боже! Она, то подруга моя,
Она растворила тюремную дверь,
И весел я с нею и волен теперь.
За волю, за волю тебе, провиденье,
Подругой мне данною - благодаренье.
Но есть еще воля!.. То воля моя
Стремиться к добру - неизменен ей я.

1839

СТАРЫЙ ДОМ

Старый дом, старый друг, посетил я
Наконец в запустеньи тебя,
И бывшее опять воскресил я,
И печально смотрел на тебя.
Двор лежал предо мной неметенный,
Да колодец валился гнилой,
И в саду не шумел лист зеленый.
Желтый - тлел он на почве сырой.
Дом стоял обветшалый уныло,
Штукатурка обилась кругом,
Туча серая сверху ходила
И все плакала, глядя на дом.
Я вошел. Те же комнаты были;
Здесь ворчал недовольный старик;
Мы беседы его не любили,
Нас страшил его черствый язык.
Вот и комнатка - с другом, бывало,
Здесь мы жили умом и душой;
Много дум золотых возникало
В этой комнатке прежней порой.
В нее звездочка тихо светила,
В ней остались слова на стенах;
Их в то время рука начертила,
Когда юность кипела в душах.
В этой комнатке счастье бывшее,
Дружба светлая выросла там,
А теперь запустенье глухое,
Паутины висят по углам.
И мне страшно вдруг стало. Дрожал я,

На кладбище я будто стоял,
И родных мертвецов вызывал я,
Но из мертвых никто не восстал.

1839

ДЕРЕВЕНСКИЙ СТОРОЖ

Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.
Вдоль по улице широкой
Избы мужиков.
Ходит сторож одинокой,
Слышен скрип шагов.
Зябнет сторож; вьюга смело
Злится вокруг него;
На морозе побелела
Борода его.
Скучно! радость изменила,
Скучно одному;
Песнь его звучит уныло
Сквозь метель и тьму.
Ходит он в ночи безлунной,
Бела утра ждет
И в края доски чугунной
С тайной грустью бьет.
И, качаясь, завывает
Звонкая доска...
Пуще сердце замирает,
Тяжелей тоска.

1840

КРЕМЛЬ

За тучами чуть видима луна,
Белеет снег в туманном освещеньи,
Безмолвны стогны, всюду тишина,
Исчезло дня бродящее движенье.
Старинный Кремль угрюмо задремал
Над берегом реки оледенелой,
И колокол гудящий замолчал,
Затворен храм и терем опустелый.
Как старый Кремль в полночной тишине

Является и призрачен и страшен,
 В своей зубчатой затворясь стене
 И вея холодом угрюмых башен!
 Лежит повсюду мертвенный покой -
 Его кругом ничто не возмущает,
 Лишь каждый час часов унылый бой
 О ходе времени напоминает.

1840 (?)

НА СМЕРТЬ Л<ЕРМОНТОВ>А

Еще дуэль! Еще поэт
 С свинцом в груди сошел с ристанья.
 Уста сомкнулись, песен нет,
 Все смолкло... Страшное молчанье!
 Тут тщетен дружеский привет...
 Все смолкло: грусть, вражда, страданье"
 Любовь - все, чем душа жила...
 И где душа? куда ушла?
 Но я тревожить в этот миг
 Вопросы вечного не стану;
 Давно я головой поник,
 Давно пробило в сердце рану
 Сомненье тяжкое, - и крик
 В груди таится... Но обману
 Жить не дает холодный ум,
 И веры нет, и взор угрюм.
 И тайный страх берет меня,
 Когда в стране я вижу дальной,
 Как очи, полные огня,
 Закрылись тихо в миг прощальный,
 Как пал он, голову склоня,
 И грустно замер стих печальный
 С улыбкой скорбной на устах,
 И он лежал, бездушный прах.
 Бездушной праха перед ним
 Глупец ничтожный с пистолетом
 Стоял здоров и невредим,
 Не содрогаясь пред поэтом,
 Укором тайным не томим;
 И, может, рад был, что пред светом
 Хвалиться станет он подчас,
 Что верны так рука и глаз.
 А между тем над мертвецом
 Сияло небо, и лежала
 Степь безглагольная кругом,
 И в отдалении дремала

Цепь синих гор - и все в таком
Успокоенья пребывало,
Как будто б миру жизнь его
Не составляла ничего.
А жизнь его была пышна,
Была роскошных впечатлений,
Огня душевного полна,
Полна покоя и волнений;
Все, все извела она -
Значенье всех ее мгновений
Он слухом трепетным внимал
И в звонкий стих переливал.
Но, века своего герой,
Вокруг себя печальным взором
Смотрел он часто - и порой
Себя и век клеймил укором,
И желчный стих, дыша враждой,
Звучал нещадным приговором...
Любил ли он, или желал,
Иль ненавидел - он страдал.
Сюда, судьба! ко мне на суд!
Зачем всю жизнь одно мученье
Поэты тягостно несут?
Ко мне на суд - о провиденье!
Века в страданиях идут, -
Или без всякого значенья
И провиденье и судьба -
Пустые звуки и слова?
А как бы он широко мог
Блаженствовать! В душе поэта
Был счастья светлого залог:
И жар сердечного привета,
И поэтический восторг,
И рай видений, полных света,
Любовью полный взгляд на мир,
Раздолье жизни, вечный пир...
Мой бедный брат! дай руку мне,
Оледенелую дай руку,
И спи в могильной тишине.
Ни мой привет, ни сердца муку
Ты не услышишь в вечном сне,
И слов моих печальных звуку
Не разбудить тебя вовек...
Ты глух стал, мертвый человек!
Развеется среди степей
Мой плач надгробный над тобою,
И высохнет слеза очей
На камне хладном... И порою,
Когда сойду я в мир теней,
Раздастся плач и надо мною,

И будет он безвестен мне...
Спи, мой товарищ, в тишине!

1841

LE CAUCHEMAR *

* - [Кошмар (франц.)]

Мой друг! меня уж несколько ночей
Преследует какой-то сон тревожный;
Встает пред взором внутренним очей
Насмешливо и злобно призрак ложный,
И смутно так все в голове моей,
Душа болит, едва дышать мне можно,
И стынет кровь во мне... Хочу я встать,
И головы не в силах приподнять.
То Фауст вдруг, бессменную тоской,
Желаньем и сомнением убитой,
Идет ко мне задумчивой стопой
С погубленной, безумной Маргаритой;
И Мефистофель тут; на них рукой
Он кажет мне с улыбкой ядовитой.
Другую руку мне кладет на грудь,
Я трепещу и не могу дохнуть.
Потом я вдруг Манфредом увлечен;
Тащит меня, твердя о преступленьи,
Которому давно напрасно он
У бога и чертей просил забвенья...
Уж вот на край я бездны приведен,
Стремглав мы вниз летим - и нет спасенья...
Я замираю, и по телу лед
С губительным стремлением идет.
Но вдруг стоит принц Гамлет предо мной,
Стоит и хохотом смеется диким...
Безумный, нерешительный герой
Не мог любить, ни мстить, ни быть великим, -
И говорит, что точно я такой,
С характером таким же бледноликим...
И я мечтой в прошедших днях ношусь,
И сам себе так гадок становлюсь...
Насилу сон слетел с тяжелых век!..
Я Байрона и Гете начитался,
И мне дался Шекспиров человек -
И только!.. В жизни ж я и не сближался
С их лицами, да и не сближусь ввек...
Но холод долго в теле разливался,
И долго я еще не мог вздохнуть,

И в темные углы не смел взглянуть...

1841

КАБАК

Выпьем, что ли, Ваня,
С холода да с горя;
Говорят, что пьяным
По колено море.
У Антона дочь-то -
Девка молодая:
Очи голубые,
Славная такая!
Да богат он, Ваня!
Наотрез откажет,
Ведь сгоришь с стыда, брат,
Как на дверь укажет.
Что я ей за пара? -
Скверная избушка!..
А оброк-то, Ваня?
А кормить старушку?
Выпьем, что ли, с горя!
Эх, брат! да едва ли
Бедному за чаркой
Позабыть печали!

1841

МНОГО ГРУСТИ!

Природа зноем дня утомлена
И просит вечера скорей у бога,
И вечер встретит с радостью она,
Но в этой радости как грусти много!
И тот, кому уж жизнь давно скучна,
Он просит старости скорей у бога,
И смерть ему на радость суждена,
Но в этой радости так грусти много!
А я и молод, жизнь моя полна,
На радость мне любовь дана от бога,
И песнь моя на радость мне дана,
Но в этой радости как грусти много!

<1841>

ПОЛДЕНЬ

Полуднем жарким ухожу я
На отдых праздный в темный лес
И там ложусь, и все гляжу я
Между вершин на даль небес.
И бесконечно тонут взоры
В их отдаленьи голубом;
А лес шумит себе кругом,
И в нем ведутся разговоры:
Щебечет птица, жук жужжит,
И лист засохший шелестит,
На хворост падая случайно, -
И звуки все так полны тайной...
В то время странным чувством мне
Всю душу сладостно объемлет;
Теряясь в синей вышине,
Она лесному гулу внемлет
И в забытии каком-то дремлет.

<1841>

ДРУЗЬЯМ

Мы в жизнь вошли с прекрасным упованьем,
Мы в жизнь вошли с неробкою душой,
С желаньем истины, добра желаньем,
С любовью, с поэтической мечтой,
И с жизнью рано мы в борьбу вступили,
И юных сил мы в битве не щадили.
Но мы вокруг не встретили участия,
И лучшие надежды и мечты,
Как листьях средь осеннего ненастья,
Попадали и сухи и желты, -
И грустно мы остались между нами,
Сплетая дружно голыми ветвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувств, и образов, и дум
В душе глубоко погребли... И что же?
Упрек ли небу скажет дерзкий ум?
К чему упрек?.. Смиренье в душу вложим
И в ней затворимся - без желчи, если можем.

Начало 1840-х

ХАНДРА

Бывают дни, когда душа пуста:
Ни мыслей нет, ни чувств, молчат уста,
Равно печаль и радости постылы,
И в теле лень, и двигаться нет силы.
Напрасно ищешь, чем бы ум занять, -
Противно видеть, слышать, понимать,
И только бесконечно давит скука,
И кажется, что жить - такая мука!
Куда бежать? чем облегчить бы грудь?
Вот ночи ждешь - в постель! скорей заснуть!
И хорошо, что стало все беззвучно...
А сон нейдет, а тьма томит докучно!

Начало 1840-х

* * *

Гуляю я в великом божьем мире
И жадно впечатления ловлю,
И все они волнуют грудь мою,
И струны откликаются на лире.
Взойдет ли день, засветит ли луна,
Иль птица в роще темной встрепенется,
Или промчится с ропотом волна, -
Мне весело и хорошо поется.
Я слушаю, уходят взоры вдаль,
И вдруг в душе встает воспоминанье,
И воскресает прежняя печаль,
И ноет сердце, полное страданья.
Взойдет ли день, засветит ли луна,
Иль птица в роще темной встрепенется,
Или промчится с ропотом волна, -
И грустно мне и хорошо поется.

1842

ОБЫКНОВЕННАЯ ПОВЕСТЬ

Была чудесная весна!
Они на берегу сидели -
Река была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пели;
Тянулся за рекою дол,

Спокойно, пышно зеленея;
Вблизи шиповник алый цвел,
Стояла темных лип аллея.
Была чудесная весна!
Они на берегу сидели -
Во цвете лет была она,
Его усы едва чернели.
О, если б кто увидел их
Тогда, при утренней их встрече,
И лица б высмотрел у них
Или подслушал бы их речи -
Как был бы мил ему язык,
Язык любви первоначальной!
Он верно б сам, на этот миг,
Расцвел на дне души печальной!..
Я в свете встретил их потом:
Она была женой другого,
Он был женат, и о былом
В помине не было ни слова;
На лицах виден был покой,
Их жизнь текла светло и ровно,
Они, встречаясь меж собой,
Могли смеяться хладнокровно...
А там, по берегу реки,
Где цвел тогда шиповник алый,
Одни простые рыбаки
Ходили к лодке обветшалой
И пели песни - и темно
Осталось, для людей закрыто,
Что было там говорено,
И сколько было позабыто.

<1842>

ИЗБА

Небо в час дозора
Обходя, луна
Светит сквозь узора
Мерзлого окна.
Вечер зимний длится;
Дедушка в избе
На печи ложится,
И уж спит себе.
Помоляся богу,
Улеглася мать;
Дети понемногу
Стали засыпать.

Только за работой
Молодая дочь
Борется с дремотой
Во всю долгу ночь,
И лучина бледно
Перед ней горит.
Все в избушке бедной
Тишиной томит;
Лишь звучит докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

<1842>

ДИЛИЖАНС

Уж смерклося почти, когда мы сели,
И различить моих соседей я
Совсем не мог. Они еще шумели,
Беседу несносною меня
Терзали. Все мне так ужасно были
Противны. Треск колес и глупый звук
Бича мне слух докучливо томили.
Печально в угол я прилег. Но вдруг
Из хижин к нам на миг блеснули свечи -
Я женщину увидел близ меня:
Мантильей черной покрывая плечи,
Она сидела, голову склоня;
Глаза ее горели грустью томной,
И бледен был печальный лик ея,
И из-под шляпки вился локон темный...
Какое сходство, боже! Грудь моя
Стеснилась, холод обдал тайный...
Опять оно, виденье давних дней,
Передо мной воскресло так случайно!
И я с нее не мог свести очей;
Сквозь тьму глядя на лик едва заметный,
Тревожно жизнь мою я повторял,
И снова был я молод, и приветно
Кругом с улыбкой божий мир взирал,
И я любил так полно и глубоко...
О, как же я был счастлив в этот раз!
И я желал, чтоб нам еще далеко,
Далеко было ехать; чтобы нас
Без отдыха везла, везла карета,
И не имел бы этот путь конца,
И лучшие я пережил бы лета,

Смотря на очерк этого лица!

<1842>

* * *

К подъезду! - Сильно за звонок рванул я -
Что, дома? - Быстро я взбежал наверх.
Уже ее я не видал лет десять;
Как хороша она была тогда!
Вхожу. Но в комнате все дышит скукой,
И плюц завял, и шторы спущены.
Вот у окна, безмолвно за газетой,
Сидит какой-то толстый господин.
Мы поклонились. Это муж. Как дурен!
Широкое и глупое лицо.
В углу сидит на креслах длинных кто-то,
В подушки утонув. Смотрю - не верю!
Она - вот эта тень полуживая?
А есть еще прекрасные черты!
Она мне тихо машет: "Подойдите!
Садитесь! рада я вам, старый друг!"
Рука как желтый воск, чуть внятен голос,
Взор мутен. Сердце сжалось у меня.
"Меня теперь вы, верно, не узнали...
Да - я больна; но это все пройдет:
Весной поеду непременно в Ниццу".
Что отвечать? Нельзя же показать,
Что слезы хлынули к глазам от сердца,
А слово так и мрет на языке.
Муж улыбнулся, что я так неловок.
Какую-то я пошлость ей сказал
И вышел, Трудно было оставаться -
Поехал. Мокрый снег мне бил в лицо,
И небо было тускло...

<1842>

* * *

На севере туманном и печальном
Стремлюся я к роскошным берегам
Иной страны - она на юге дальном.
Лечу чрез степь к знакомым мне горам -
На них заря блестит лучом прощальным;
Я дале к югу - наконец я там,

И, нежась, взор гуляет на просторе,
И Средиземное шумит и плещет море.
Италия! опять твой полдень жаркий,
Опять твой темно-синий небосклон,
И ропот волн немолчный, блеск их яркий,
При лунной ночи пахнувший лимон,
Рыбак на море тихом с утлой баркой,
И черный локон смуглолицых жен.
И всё там страсть, да песни, да картины,
Да Рима старого роскошные руины.
В Италии брожу и вновь тоскую:
Мне хочется опять к моим снегам,
Послушать песню грустную, родную,
Лететь на тройке вихрем по степям,
С друзьями выпить чашу круговую,
Да поболтать по длинным вечерам,
Увидеть взор спокойный, русский локон,
Да небо серое сквозь полумерзлых окон.

<1842>

ПРОЩАНИЕ С ИТАЛИЕЙ

На море тихое ложится мрак ночной,
И небо синее усеялось звездами;
Шумит колесами и пену под собой
Взбивает пароход, качаясь над водами;
За ним волна, кипя, бежит двумя браздами
И вьется черный дым густою полосой,
И чайка поздняя вокруг мачты с криком вьется,
А море звучное чуть плещется и льется.
На палубе умолк докучный разговор,
Товарищей моих в каютах сон объемлет;
У борта я один. Печально ищет взор
Знакомой стороны, где дальний берег дремлет;
Но песен рыбака уже мой слух не внемлет.
Едва чернеется цепь отдаленных гор,
Как смутная черта... она исчезнет вскоре,
И только небеса останутся да море.
Италия, мне жаль твоих роскошных стран!
Картины дальние еще воспоминанье
Рисует тихо мне. То, сквозь ночной туман,
В Сорренто веет мне садов благоуханье,
То Рима предо мной унылая Кампанья
И лица строгие надменных поселян;
То слышен весел плеск, и дождей дом угрюмый
Наводит на душу таинственные думы.
Но я бегу от вас, волшебные места!

Еще в ушах моих все звуки южных песен,
Но жизнь людей твоих, Италия, пуста!
В них дух состарелся, и мир твой стал мне тесен:
Везде развалина немая, смерть да плесень!
Лепечут о былом бессмысленно уста,
А головы людей в тяжелом сне повисли...
Теперь бегу искать движенья новой мысли.
И примет странника иная сторона,
Где жизнью все кипит и в людях дышит сила,
И труд приносит плод, и нива их пышна,
И ясно разум их наука озарила,
И жажда в каждом есть, чтоб всем им лучше было.
Туда, мой пароход! Но вот уже луна
Взошла над влажною пустынею печально -
Прощай, Италия! исчез твой берег дальней...
И все ж мне жаль тебя! Любил я созерцать
Тебя, как мертвую красавицу влюбленный:
И взор уже потух, и краски не видать,
А роскошь веет с уст в улыбке сохраненной,
И будто то не смерть, а час покоя сонный,
И негу, кажется, объятья могут дать
Еще так сладостно, томительно, тревожно,
Что, миг проживши в них, и умереть бы можно.
Италия! не раз хотеться будет мне
Вновь видеть яркость дня и синей ночи тени,
Забыться и забыть в прозрачной тишине
И старость детскую заглохших поколений,
И скорбь моей души, усталой от волнений.
Прощай! да берег твой почиет в мирном сне,
Меж тем как ухожу я в путь мой бесконечный
Среди бродячих волн и дум, не спящих вечно!

1843 (?)

ИСКАНДЕРУ

Я ехал по полю пустому;
И свеж и сыр был воздух, и луна,
Скучая, шла по небу голубому,
И плоская синелась сторона.
В моей душе менялись скорбь и сила,
И мысль моя с тобою говорила.
Все степь да степь! Нет ни души, ни звука;
И еду вдаль я горд и одинок -
Моя судьба во мне. Ни скорбь, ни скука
Не утомят меня. Всему свой срок.
Я правды речь вел строго в дружнем круге -
Ушли друзья в младенческом испуге.

И он ушел - которого как брата
Иль как сестру так нежно я любил!
Мне тяжела, как смерть, его утрата;
Он духом чист и благороден был,
Имел он сердце нежное, как ласка,
И дружба с ним мне памятна, как сказка.
Ты мне один остался неизменный,
Я жду тебя. Мы в жизнь вошли вдвоем;
Таков остался наш союз надменный!
Опять одни мы в грустный путь пойдём,
Об истине глася неумоимо,
И пусть мечты и люди идут мимо.

1846

ОТЪЕЗД

Ну, прощай же, брат! я поеду в даль,
Не сидится на месте, ей-богу!
Ведь не то чтоб мне было вас не жаль,
Да уж так - собрался я в дорогу.
И не то чтоб здесь было худо мне,
Нет! мне все как-то близко, знакомо,
Ну, и дом, и сад, и привык к стране:
Хорошо, знаешь, нравится дома.
И такое есть, о чем вспомнить мне
Тяжело, а забыть невозможно;
Да не все ж твердить о вчерашнем дне -
Неразумно, а может, и ложно!
И вот видишь, брат, так и тянет в путь,
Погулять надо мне на просторе,
Широко пожить, на людей взглянуть,
Да послушать гульливое море.
Много светлых стран, много чудных встреч,
Много сладких слов, много песен...
Не хочу жалеть! не хочу беречь!
Ну, прощай! мир авось ли не тесен.

<1846>

МОНОЛОГИ

I

И ночь и мрак! Как все томительно-пустынно!

Бессонный дождь стучит в мое окно,
Блуждает луч свечи, меняясь с тенью длинной,
И на сердце печально и темно.
Былые сны! душе расстаться с вами больно;
Еще ловлю я призраки вдали,
Еще желание в груди кипит невольно;
Но жизнь и мысль убили сны мои.
Мысль, мысль! как страшно мне теперь твое движенье,
Страшна твоя тяжелая борьба!
Грозней небесных бурь несешь ты разрушенье,
Неумолима, как сама судьба.
Ты мир невинности давно во мне сломила,
Меня навек в брожение вовлекла,
За верой веру ты в моей душе сгубила,
Вчерашний свет мне тьмою назвала.
От прежних истин я отрекся правды ради,
Для светлых снов на ключ я запер дверь,
Лист за листом я рвал заветные тетради,
И все, и все изорвано теперь.
Я должен над своим бессилием смеяться,
И видеть вокруг бессилие людей,
И трудно в правде мне внутри себя признаться,
А правду высказать еще трудней.
Пред истиной нагой исчез и призрак бога,
И гордость личная, и сны любви,
И впереди лежит пустынная дорога,
Да тщетный жар еще горит в крови.

II

Скорей, скорей топи средь диких волн разврата
И мысль и сердце, ношу чувств и дум;
Насмейся надо всем, что так казалось свято,
И смело жизнь растрать на пир и шум!
Сюда, сюда бокал с играющею влагой!
Сюда, вакханка! слух мне очаруй
Ты песней, полною разгульною отвагой!
На - золото, продай мне поцелуй...
Вино кипит во мне и жжет меня лобзанье...
Ты хороша! о, слишком хороша!..
Зачем опять в груди проснулось страданье
И будто вздрогнула моя душа?
Зачем ты хороша? забытое мной чувство,
Красавица, зачем волнуешь вновь?
Твоих томящих ласк постыдное искусство
.Ужель во мне встревожило любовь?
Любовь, любовь!.. о, нет, я только сожаленье,
Погибший ангел, чувствую к тебе...

Поди, ты мне гадка! я чувствую презренье
К тебе, продажной, купленной рабе!
Ты плачешь? Нет, не плачь. Как? я тебя обидел?
Прости, прости мне - это пар вина;
Когда б я не любил, ведь я б не ненавидел.
Постой, душа к тебе привлечена -
Ты боле с уст моих не будешь знать укора.
Забудь всю жизнь, прожитую тобой,
Забудь весь грязный путь порока и позора,
Склонись ко мне прекрасной головой, -
Страдалица страстей, страдалица желанья,
Я на душу тебе навею сны,
Ее вновь оживит любви моей дыханье,
Как бабочку дыхание весны.
Что ж ты молчишь, дитя, и смотришь в удивленья,
А я не пью мой налитой бокал?
Проклятие! опять ненужное мученье
Внутри души я где-то отыскал!
Но на плечо ко мне она, склоняся, дремлет,
И что во мне - ей непонятно то;
Недвижно я гляжу, как сон ей грудь подьемлет,
И глупо трачу сердце на ничто!

III

Чего хочу?.. Чего?.. О! так желаний много,
Так к выходу их силе нужен путь,
Что кажется порой - их внутренней тревогой
Сожжется мозг и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвигов хочу,
Еще хочу любить с безумною тоскою,
Весь трепет жизни чувствовать хочу!
А тайне чувствую, что все желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хил,
Мои стремления замолкнут безответны,
В попытках я запас растрочу сил.
Я сам себе кажусь, подавленный страданьем,
Каким-то жалким, маленьким глупцом,
Среди безбрежности затерянным созданием,
Томящимся в брожении пустом...
Дух вечности обнять за раз не в нашей доле,
А чашу жизни пьем мы по глоткам,
О том, что выпито, мы все жалеем боле,
Пустое дно все больше видно нам;
И с каждым днем душе тяжеле устарелость,
Больнее помнить и страшней желать,
И кажется, что жить - отчаянная смелость:

Но биться пульс не может перестать,
И дальше я живу в стремленьи безотрадном,
И жизни крест беру я на себя,
И весь душевный жар несу в движеньи жадном,
За мигом миг хватая и губя.
И все хочу!.. чего?.. О! так желаний много,
Так к выходу их силе нужен путь,
Что кажется порой - их внутренней тревогой
Сожжется мозг и разорвется грудь.

IV

Как школьник на скамье, опять сижу я в школе
И с жадностью внимаю и молчу;
Пусть длинен знанья путь, но дух мой крепок волей,
Не страшен труд - я верю и хочу.
Вокруг всё юноши: учительское слово,
Как я, они все слушают в тиши;
Для них все истина, им все еще так ново,
В них судит пыл неопытной души.
Но я уже сюда явился с мыслью зрелой,
Сомнением испытанный боец,
Но не убитый им... Я с призраками смело
И искренно расчелся наконец;
Я отстоял себя от внутренней тревоги,
С терпением пустился в новый путь,
И не собьюсь теперь с рассчитанной дороги -
Свободна мысль и силой дышит грудь.
Что, Мефистофель мой, завистник закоснелый?
Отныне власть твою разрушил я,
Болезненную власть насмешки устарелой;
Я скорбью многой выкупил себя.
Теперь товарищ мне иной дух отрицанья -
Не тот насмешник черствый и больной,
Но тот всеильный дух движенья и созданья,
Тот вечно юный, новый и живой.
В борьбе бесстрашен он, ему губить - отрада,
Из праха он все строит вновь и вновь,
И ненависть его к тому, что рушить надо,
Душе свята так, как свята любовь,

1844-1847

УПОВАНИЕ. ГОД 1848

Anno cholerae morbi
[В холерный год (лат.).]

Все говорят, что ныне страшно жить,
Что воздух заражен и смертью веет;
На улицу боятся выходить.
Кто встретит гроб - трепещет и бледнеет.
Я не боюсь. Я не умру. Я дней
Так не отдам. Всею жизнью человека
Еще дышу я, всею мыслью века
Я жизненно проникнут до ногтей,
И впереди довольно много дела,
Чтоб мысль о смерти силы не имела.
Что мне чума? - Я слышу чутким слухом
Со всех сторон знакомые слова:
Вблизи, вдали - одним все полно духом, -
Все воли ищут! Тихо голова
Приподнялась; проходит сон упрямый,
И человек на вещи смотрит прямо.
Встревожен он. На нем так много лет
Рука преданья дряхлого лежала,
Что страшно страшен новый свет сначала.
Но свыкнись, узник! Из тюрьмы на свет
Когда выходят - взору трудно, больно,
А после станет ясно и раздольно!
О! из глуши моих родных степей
Я слышу вас, далекие народы, -
И что-то бьется тут, в груди моей,
На каждый звук торжественной свободы.
Мне с юга моря синяя волна
Лелеет слух внезапным колыханьем...
Роскошных снов ленивая страна -
И ты полна вновь юным ожиданьем!
Еще уныл "Ave Maria" (1) глас
И дремлет вокруг семи холмов поляна,
Но втайне Цезарю в последний раз
Готовится проклятье Ватикана.
Что ж? Начинай! Уж гордый Рейн восстал,
От долгих грез очнулся тих, но страшен,
Упрямо воли жаждущий вассал
Грозит остаткам феодальных башен.
На Западе каким-то новым днем,
Из хаоса корыстей величаво,
Как разум светлое, восходит право,
И нет застав, земля всем общий дом.
Как волхв, хочу с Востока в путь суровый
Идти и я, дабы вещать о том,
Что видел я, как мир родился новый!
И ты, о Русь! моя страна родная,
Которую люблю за то, что тут

Знал сердцу светлых несколько минут,
 Еще за то, что, вместе изнывая,
 С тобою я и плакал и страдал,
 И цепью нас одною рок связал, -
 И ты под свод дряхлеющего зданья,
 В глуши трудясь, подкапываешь взрыв?
 Что скажешь миру ты? Какой призыв?
 Не знаю я! Но все твои страданья
 И весь твой труд готов делить с тобой,
 И верю, что пробьюсь - как наш народ родной -
 В терпении и с твердостью многой
 На новый свет неведомой дорогой!

1) "Радуйся, Мария" (лат.) - католическая молитва; имеется в виду вечерний звон колоколов в час чтения молитвы.

1848

* * *

В пирах безумно молодость проходит;
 Стаканов звон да шутки, смех да крик
 Не умолкают. А меж тем не сходит
 С души тоска ни на единый миг;
 Меж тем и жизнь идет, и тяготее
 Над ней судьба, и страшной тайной веет.
 Мне пир наскучил - он не шлет забвенья
 Душевной скорби; судорожный смех
 Не заглушает тайного мученья!..

1848-1849 (?)

1849 ГОД

Вы знаете: победа дряхлой власти
 Свершилася. Погибло, как мятеж,
 Свободы дело, рушилось на части,
 И деспотизм помолодел и свеж.
 Безропотно, как маленькие дети,
 Они свободу отдали тотчас,
 В смущении боясь отцовской плети,
 И весь восторг, как шалость, в них погас.
 Вы знаете: в Европе уже ныне
 Не сыщется ни одного угла,

Где б наша жизнь, верна своей святыне,
Светло и мирно кончиться могла.
Вы не зарезались? Еще, быть может,
Жить хочется? Так что ж? Скорей, скорей!
Бегите в степь, где разве вихрь тревожит,
В Америку - туда, где нет людей!
И, до седин бесплодно доживая,
С отчаяньем в груди умрите там,
Забыть стараясь и не забывая,
Что все, что в жизни было свято вам,
Мечты свободы, ваши убежденья
Не нужны никому - и все замрут,
Как всякие безумные мученья,
Как всякий мозга бесполезный труд!

<1849>

АРЕСТАНТ

Ночь темна. Лови минуты!
Но стена тюрьмы крепка,
У ворот ее замкнуты
Два железные замка.
Чуть дрожит вдоль коридора
Огонек сторожевой,
И звенит о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.
"Часовой!" - "Что, барин, надо?" -
"Притворись, что ты заснул:
Мимо б я, да за ограду
Тенью быстрою мелькнул!
Край родной повидеть нужно,
Да жену поцеловать,
И пойду под шелест дружный
В лес зеленый умирать!.." -
"Рад помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь, чай, тож и я!
Пуля, барин, ничего бы,
Да боюсь батожья!
Поседел под шум военный...
А сквозь полк как проведут,
Только ком окровавленный
На тележке увезут!"
Шепот смолк... Все тихо снова...
Где-то бог подаст приют?
То ль схоронят здесь живого?
То ль на каторгу ушлют?

Будет вечно цепь надета,
Да начальство станет бить...
Ни ножа! ни пистолета!..
И конца нет сколько жить!

1850

К Н. <А. ТУЧКОВОЙ>

На наш союз святой и вольный -
Я знаю - с злобою тупой
Взирает свет самодовольный,
Бродя обычной колеей.
Грозой нам веет с небосклона!
Уже не раз терпела ты
И кару дряхлого закона
И кару пошлой клеветы.
С улыбкой грустного презренья
Мы вступим в долгую борьбу,
И твердо вытерпим гоненья,
И отстоим свою судьбу.
Еще не раз весну мы встретим
Под говор дружных нам лесов
И жадно в жизни вновь отметим
Счастливых несколько часов.
И день придет: морские волны
Опять привет заплещут нам,
И мы умчимся, волей полны,
Туда - к свободным берегам.

1850-1852

* * *

Я виноват, быть может, в многом,
И жил я, сам себя губя,
Но по разбору жестко-строгом
Еще могу сказать и я,
Что, как и прежде, так и ныне,
Не менее, чем кто-нибудь,
Остался верен я святыне,
Которой век дышала грудь.
И, несмотря на скорбь и скуку,
На дне осевшую от лет,

Ты беззапятнанной мне руку
В час расставанья дашь вослед.
И дашь в твоей душе, как прежде,
Мне тот же мирный уголок,
Где каждой мысли и надежде
Всегда приют найти я мог.
Но если, вняв мольбе суровой,
Ты отказался от меня,
Тогда прости, мой Каин новый,
И позабудь скорей меня.

Начало 1850-х (?)

СПЛИН

(Посвящено Н.)

Да, к осени сворачивает лето...
Уж ночью был серебряный мороз;
И воздух свеж, и - грустная примета -
Желтеет лист сквозь зелени берез,
Как волосок седой сквозь локон темный
Красавицы кокетливой и томной;
Уже и ветер брюзгливый и сырой
Колеблет лес и свищет день-деньской,
И облаков отряд сгоняет серый;
И вечера становятся без меры.
Уже пришла печальная пора:
Туманами окрестности покрыты,
И мелкий дождь с утра и до утра
Сырою пылью сыплет, как сквозь ситы,
Чернеясь, грязь по улицам видна,
День холоден, глухая ночь темна.
Затопим мы камин. Средь поздних бдений
Люблю, когда причудливые тени
Враждебным мраком дышат по углам,
А красный блеск трепещет по стенам.
Но в этот час я не люблю беседы
И многих лиц шумливый разговор:
Меня томит, как длинные обеды,
Хоть умный, но всегда бесплодный спор.
Иное дело - заниматься делом,
Или хотеть, в тщеславьи закоснелом,
Сомнительной ученостью блеснуть
И времени течение обмануть,
Праздноглагольствуя литературно
О том, что в мире хорошо иль дурно.

У стариков есть детская черта -
 Рассказывать отлично анекдоты,
 Где на конце всегда есть острота;
 Но этот род погиб среди зевоты.
 Что ж делать, друг, нам в эти вечера?
 Болтать о том, что делалось вчера?
 Наш status quo (1) так глуп, что лучше мимо.
 Уж не заняться ль нам делами Крыма?
 Но ведь ни вы, ни я не офицер -
 Изгнать врагов не сыщем новых мер.
 Не вдаваться ль в жар сердечных излияний?
 Но ведь оно покажется смешно -
 К лицу ли нам искание страданий
 И радостей, замолкнувших давно?..
 Не вынуть ли бутылку из подвала?
 Не принести ль два розовых бокала?
 За здоровье что ль, не то за упокой
 Нам чокнуться?.. А лучше нам, друг мой,
 Безмолвствовать и думать. Грустно это,
 Но, кажется, прилично в наши лета.
 И ветер и дождь всю ночь в окно стучат,
 Колеблются таинственные тени,
 Дрова, горя, бледнеют и трещат.
 И вновь встает забытый ряд видений.
 Вот детство глупое - как и всегда,
 Бывают глупы детские года,
 Но многое в них мирно улыбалось,
 И сохранить иное бы желалось...
 Вот юность - вот играет кровь,
 И сердце жжет ненужная любовь.
 А там идут подряд всё гроб за гробом:
 Вот мрет старик, сердясь и кряхтя,
 Вот друг погиб с чахоточным ознобом,
 В волнах морских умолкнуло дитя,
 И милое и светлое созданье
 Туда ж пошло на вечное молчанье!
 Но вы, мой друг, ни слова ни о чем;
 Вы знаете - ведь лучше нам вдвоем
 Безмолвствовать и думать. Грустно это,
 Но, кажется, прилично в наши лета.

1) существующий порядок (лат.)

1854 (?)

СОН

Когда сменился день молчаньем темной ночи,

Дремота смутная мне налегла на очи,
И вижу я: на площади народ,
И слышен звон с высоких колоколен,
И юный царь торжественно грядет
В порфире и венце, сияющ и доволен;
За ним попы, бояре и полки,
Хвалебный гимн гремит, блестят штыки...
Но мною обуял внезапно гнев священный,
Я бросился к царю и дланью дерзновенной
С его главы сорвал златой венец
И бросил в прах, и растоптал на части -
"Довольно! - я вскричал, - погибни наконец
Вся эта ветошь ненавистной власти!"
Пророческая мощь мою вздымала грудь,
А царь бледнел, испуганный и злобный;
В народе гул прошел громоподобный,
И, как морская зыбь, грозы почуя путь,
Растет из тишины, в которой ей дремалось, -
Тысячеглавая толпа заколебалась...

1854

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В вечернем сумраке долина
Синела тихо за ручьем,
И запах розы и ясмينا
Благоухал в саду твоём;
В кустах прибрежных влюбленно
Перекликались соловьи.
Я близ тебя стоял смущенный,
Томимый трепетом любви.
Уста от полноты дыханья
Остались немые и робки,
А сердце жаждало признанья,
Рука - пожатия руки.
Пусть этот сон мне жизнь сменила
Тревогой шумной пестроты;
Но память верно сохранила
И образ тихой красоты,
И сад, и вечер, и свиданье,
И негу смутную в крови,
И сердца жар и замиранье -
Всю эту музыку любви.

До 1855

* * *

Тот жалок, кто под молотом судьбы
Поник - испуганный - без боя:
Достойный муж выходит из борьбы
В сияньи гордого покоя,
И вновь живет - главы не преклоня -
Исполнен вдохновенной пищей;
Так золото выходит из огня
И полновеснее и чище.

До 1355

ВЕСНОЮ

Брожу я по лесу тропюю каменистой;
Трепещут и блестят в ветвистой вышине
Зеленые листья под влагою росистой,
И сосен молодых дух свежий и смолистый
В весеннем воздухе отрадно веет мне;
Пчела жужжит, и ранний луч денницы
Встречают песнями ликующие птицы.
Схожу я к берегу на мшистый край стремнины,
Смотрю - внизу река клокочет и шумит,
За нею озимей спокойные равнины
С их юной зеленью... Всё нежные картины!
И столько счастливый и столько ясный вид,
Что, весело смотря на все живое,
Я чувствую в себе раздолье молодое.

<1856>

* * *

Ты сетуешь, что после долгих лет
Ты встретился с своим старинным другом,
И общего меж вами вовсе нет...
Не мучь себя ребяческим недугом!
Люби прошедшее! Его очарований
Не осуждай! Под старость грустных дней
Придется жить на дне души своей
Весенней свежестью воспоминаний.

<1856>

* * *

Проклясть бы мог свою судьбу,
Кто весь свой век, как жалкий нищий,
Вел бесконечную борьбу
Из-за куска вседневной пищи;
Кто в ветхом рубище встречал
Зимы суровые морозы,
Кто в отупеньи забывал
Пролить над милым прахом слезы.
Не слушал томно при луне
Ни шум ручья, ни звук свирели,
А ждал в печальной тишине
Пустого дня под свист метели;
Кто ликований и пиров
Не знал на жизненном просторе,
Не ведал сладкой грусти снов,
А знал одно сухое горе.
Но много сносит человек
Средь жажды жить неутолимой,
И как бы жалок ни был век -
Страшит конец неотразимый!..

<1656>

* * *

Я наконец оставил город шумный,
Из душных стен я вырвался на миг;
За мною смолкнул улиц треск безумный
И вдалеке докучный говор стих,
И вот поля равниною безбрежной
В вечернем блеске дремлют безмятежно.
Люблю я вас, вечерние отливы
И с далью неба слитый край земли,
Цветок лазурный между желтой нивы
И птички песню звонкую вдали.
О, как давно уже в тиши раздольной
Я не дышал беспечно и привольно!
Мне хорошо... но отчего ж так грустно?
Душа мягка и вместе больно ей,

И сельский быт невинный, безыскусный
Меня томит, как память детских дней.
Утратилось невинности значенье,
Тоскует грудь в тяжелом умиленьи.
О, по душе прошло с тех пор так много -
Гнет истины, ошибок суета,
Порок, страстей безумная тревога,
И сладкой жажды чувствовать тщета,
Рассудка власть и грозная работа,
И мелкой жизни мелкая забота.
Поля, поля! ваш мир меня объемлет,
Но кратких чувств он не приносит мне;
Как прежде, сердце в тихом сне не дремлет...
Вы мне теперь, в вечерней тишине,
Растроганность болезненную дали,
Слезу души и внутренней печали.

<1856>

<Е.Ф.> КОРШУ

Из края бедных, битых и забитых
Я переехал в край иной -
Голодных, рубищем едва покрытых
На стуже осени сырой.
И то, что помню я, и то, что вижу ныне,
Не веет отдыхом недремлющей кручине.
Я помню смрад курной избы,
Нечистой, крошечной и темной,
И жили там мои рабы.
Стоял мужик пугливо-томный,
Возилась баба у печи
И ставила пустые щи,
Ребенок в масляной шубенке,
Крича, жевал ломоть сухой,
Спала свинья близ коровенки,
Окружена своей семьей.
Стуча в окно порой обычной,
На барщину десятский звал,
Спине послушной и привычной -
Без нужды розгой угрожал.
Я помню, как квартальный надзиратель,
Порядка русского блюститель и создатель,
Допрашивал о чем-то бедняка,
И кровь лилась под силой кулака,
И человек, весь в жалком беспорядке,
Испуганный, дрожал, как в лихорадке.

Я годы, годы не забыл,
 Как этот вид противен был...
 И после мы - друзей в беседе пылкой -
 О родине скорбели за бутылкой.
 И вижу я: у двери кабака,
 Единого приюта бедняка,
 Пред мужем пьяным совершенно
 Полуодетая жена
 В слезах, бледна, изнурена,
 Стоит коленопреклоненна
 И молит, чтобы шел домой,
 Чтоб ради всей щедроты неба
 Сберег бы грош последний свой,
 Голодным детям дал бы хлеба.
 А мимо их спешит народ,
 Трещат без умолку коляски,
 И чувствуешь - водоворот,
 Кружение бесовской пляски...
 О ты, который упрекал
 Мой стих за мрачность настроенья,
 За байронизм, и порицал
 Меня с серьезной точки зренья,
 Поди сюда, серьезный человек,
 Отнюдь не верующий в бедство
 И уважающий наш век!
 Взгляни на лик, состарившийся с детства,
 На хаос жизни пристально взгляни,
 И лгать не смей, а прокляни
 Весь этот род болезненный и злобный
 И к лучшему нисколько не способный.

1855

И<СКАНДЕ>РУ

Die Rolweine regen die Kreislaufsorgane stark auf
 [Красное вино сильно возбуждает органы кровообращения (нем.)]
 (Фармакология Курта Шпренгеля)

В уныньи медленном недуга и леченья
 Скучает ум, молчат уста,
 И жду я с жадностью минуты исцеленья,
 Конца тяжелого поста.
 Удастся ль помянуть нам доблестное время
 Упругих мышц и свежих сил,
 Когда без усталости ночей бессонных бремя
 Наш бодрый возраст выносил?

До уст, взлелеянных вакхической отвагой,
Коснется ль снова, жар тая,
И мягким запахом и бархатною влагой
Вина пурпурная струя?
Садись! Достану я из-под седого слоя
Бутылку мшистую мою
И, набок наклоня, - с падучего отстоя
В стаканы бережно солью.
Но годы уж не те! И, кровь напитком жгучим
Бесплодно в жилах разогрев,
Уже мы не пойдем в волнении могучем
На праздник сладострастных дев.
Ни плечи белые, ни косы развитые,
Ни взор полуприподнятой -
Уже не пробудят в нас страсти прожитые
И тела трепет молодой.
От фавна старого таятся робко девы
В зелено-свежей мгле дубров
И внемлют юношей влюбленные напевы
Сквозь шум колеблемых листов.
Боюсь, не вызвать бы, среди наших возлияний,
Перебирая жизни даль,
И горечь едкую иных воспоминаний
И современную печаль!
Не вспомнить бы людей враждующие лица,
Их злобы грубые черты,
И их любовь, дряблей изношенной тряпицы, -
Прикрытые жалкой клеветы;
Не встретить бы в веках насилий и стяжанья
Неисцелимую болезнь,
Не вспомнить бы утрат могильные преданья
И счастья смолкнувшую песнь.
Скорей - давай шутить! Пусть шутики дар
нескромный
Даст волю блескам острых слов,
Ярко мелькающих - как искры ночью темной
Над пеплом тлеющих костров.
Да! шутка нас спасет. Ее мы за послугу
Сравним с красавицей больной,
В предсмертный час еще дарящей другу
Привет улыбки молодой.

1656

ПРЕДИСЛОВИЕ К "КОЛОКОЛУ"

Россия тягостно молчала,

Как изумленное дитя,
 Когда, неистово гнетя,
 Одна рука ее сжимала;
 Но тот, который что есть сил
 Ребенка мощного давил, -
 Он с тупоумием капрала
 Не знал, что перед ним лежало,
 И мысль его не поняла,
 Какая есть в ребенке сила:
 Рука ее не задушила -
 Сама с натуги замерла.
 В годину мрака и печали,
 Как люди русские молчали,
 Глас вопиющего в пустыне
 Один раздался на чужбине;
 Звучал на почве не родной -
 Не ради прихоти пустой,
 Не потому, что из боязни
 Он укрывался бы от казни;
 А потому, что здесь язык
 К свободомыслию привык -
 И не касалась окова
 До человеческого слова.
 Привет с родины далекой
 Дождался голос одинокой,
 Теперь юней, сильнее он...
 Звучит, раскачиваясь, звон,
 И он гудеть не перестанет,
 Пока - спугнув ночные сны -
 Из колыбельной тишины
 Россия бодро не воспрянет
 И крепко на ноги не станет,
 И, непорывисто смела,
 Начнет торжественно и стройно,
 С сознанием доблести спокойной,
 Звонить во все колокола.

1857

ОТСТУПНИЦЕ

(Посвящено гр. Р<остопчино>й)

Теперь идет существованье
 С однообразием волны...
 Но миг случайный, намеканье -
 И будит вновь воспоминанье

Давно утраченные сны.
Так звук внезапный воскрешает
Всю песнь забытую - и вот
Знакомый голос оживает,
Знакомый образ восстает;
Из-за туманов ночи мрачной
Восходит жизнь прошедших лет,
Облечена в полупрозрачный,
Полузадумчивый рассвет.
Все это только род вступленья,
Чтобы сказать, что как-то раз,
Тревожа тени из забвенья,
Случайно вспомнил я о вас.
Воскресло в памяти унылой
То время светлое, когда
Вы жили барышнею милой
В Москве, у Чистого пруда.
Мы были в той поре счастливой,
Где юность началась едва,
И жизнь нова, и сердце живо,
И вера в будущность жива.
Двором широким проезжая,
К крыльцу невольню торопясь,
Скакал, бывало, я - мечтая -
Увижу ль вас, увижу ль вас!
Я помню... (годы миновали!)...
Вы были чудно хороши;
Черты лица у вас дышали
Всей юной прелестью души.
В те дни, когда неугомонно
Искало сердце жарких слов,
Вы мне вручили благосклонно
Тетрадь заветную стихов.
Не помню - слог стихотворений
Хорош ли, нехорош ли был,
Но их свободы гордый гений
Своим наитьем освятил.
С порывом страстного участия
Вы пели вольность, и слезой
Почтили жертвы самовластья,
Их прах казненный, но святой.
Листы тетради той заветной
Я перечитывал не раз,
И снился мне ваш лик приветный,
И блеск и живость черных глаз.
Промчалась, полная невзгоды,
От вас далеко жизнь моя;
Ваш милый образ в эти годы
Как бы в тумане помнил я.
И как-то случай свел нас снова

В поре печальной зрелых лет...
Уже хотел я молвить слово,
Сказать вам дружеский привет;
Но вы какому-то французу
Свободу поносили вслух,
И русскую хвалили музу
За подлый склад, за рабский дух.
Меня тогда вы не узнали,
И я был рад: я увидал,
Как низко вы душою пали,
И вас глубоко презирал.
Скажите - в этот вечер скучный,
Когда вернулись вы домой,
Ужель могли вы равнодушно
На ложе сна найти покой?
В тиши угрюмой ночь глухая,
Тоску и ужас навевая,
Вам не шептала ли укор,
Что вы отступница святыня,
Что вы с корыстию рабыни
Свой голос продали за вздор?
Мне жалко вас. С иною дамой
Я расквитался б эпиграммой;
Но перед вами смех молчит,
И грозно речь моя звучит:
Покайтесь грешными устами,
Покайтесь искренно, тепло,
Покайтесь с горькими слезами,
Покуда время не ушло!
Просите доблестно прощенья
В измене ветреной своей -
У молодого поколенья,
У всех порядочных людей.
Давно расстроенную лиру
Наладьте вновь на чистый строй;
Покайтесь, - вам, быть может, миру
Сказать удастся стих иной, -
Не тот напыщенный, жеманный,
Где дышит холод, веет тьма,
Где все для сердца чужестранно
И нестерпимо для ума;
Но тот, который, слух лаская,
Звучал вам в трепетной тиши
В те дни, когда вы, расцветая,
Так были чудно хороши.
Не бойтесь снять с себя личину
И обвинить себя самих:
Христос Марию Магдалину
Поставил выше всех святых!
И нет стыда просить прощенья,

И сердцу сладостно прощать...
И даже я на примиренье
Готов, по правде вам сказать, -
И слов моих тем не ослаблю:
Я б и Клейнмихелю простил,
Когда б он девственную саблю
За бескорыстность обнажил.

1857

К <В. А. ПАНАЕВУ>

Когда в цепи карет, готовых для движенья,
Нашли вы место наконец,
И приютились, как мудрец,
Меж девственных старух избегнув искушенья,
И взвизгнул роковой свисток
И в дальний путь вас пар увлек;
Смущен, как человек пред диким приговором,
За быстрым поездом следил я долгим взором,
Пока он скрылся - и за ним,
Помедлив, разлетелся дым;
Пустынно две бразды железные лежали,
И я пошел домой, исполненный печали...
Так вы уехали!.. А длинный разговор
Еще звучит в ушах, как дружелюбный спор;
Но обоюдные запросы и сомненья
Уныло на душе остались без решенья.
Что эти сумерки - пророчат ли рассвет?
Иль это вечер наш, и ночь идет вослед?
Что миру - жизнь иль смерть готова?
Возникнет ли живое слово?
Немое множество откликнется ль на зов?
Иль веру сохранит в ношение оков?
Как это знать!.. Так сеятель усталый
Над пашнею, окончив труд немалый,
Безмолвствуя в раздумий стоит
И на небо и на землю глядит:
Прольется ль свежий дождь над почвой оживленной,
Или погибнет сев, засухой спаленный?..
Я знаю: с родины попутный ветер пошел,
Заря проснулася над тишиною сел;
Как древний Ной - корабль причалил к Арарату,
И в море тихое мы пролагаем путь,
Как мирный мост, как связь востоку и закату,
И плавно хочет Русь все силы развернуть.
Я знаю - с берега Британии туманной

Живою жилою под морем нить прошла
До мира нового... И вот союз желанный!
И так и кажется, что расступилась мгла -
И наши племена, с победной властью пара,
Дорогу проведут вокруг земного шара.
Оно торжественно! И воздух свежих сил
Так дышит верою в громадность человека...
А тут сомнение и веянье могил
Невольно чувствуется при замираньи века.
И вижу я иные племена -
Тут - за морем... Их жажда - кровь, война,
И, хвастая знаменами свободы,
Хоть завтра же они скуют народы.
Во имя равенства все станет иод одно,
Во имя братства всем они наложат цепи,
Взамен лесов и нив - всё выжженные степи,
И просвещение штыками решено,
И будет управлять с разбойничьей отвагой
Нахальный генерал бессмысленною шпагой.
Чем это кончится? Возьмет ли верх палач
И рабства уровень по нас промчится вскачь?
Иль мир поднимется из хаоса и муки
При свете разума, при ясности науки?
Как это знать? Над пашнею стою,
Как сеятель, и голову мою
Готов сложить без сожаленья;
Но что же мой последний миг -
Он будет ли тяжелый крик,
Иль мир спокойного прозренья?..
Вас проводя, так думал я, друг мой,
В безмолвии, когда я шел домой;
Но обоюдные запросы и сомненья
Уныло на душе остались без решенья.

1858

ЛЕТОМ

Мой друг, не вижу я средь английских полей
Станицы сторожкой высоких журавлей,
И посвистом тройным в траве, всегда скошенной,
Не свищет перепел, отраднo затаенной,
Не стонет коростель в вечерней тишине;
Один - космополит - трепещет в вышине,
Как точка малая, веселый жаворонок,
И здесь его напев все так же чист и звонок;
Да воробей еще - другой космополит -

По кровлям и в садах и скачет и пищит.
На Темзе не видать, чтоб диких уток стая
Садилась на воду, кругами налетая;
Ручные лебеди над грязью тусклых вод
Одни белеются, минуя пароход.
Сурово осудил невинные созданья
Жестокий человек на дальние изгнанья,
Пугая злобно их и силой, и враждой,
И смертью дикою - зане он царь земной.
Зато промышленность развита у народа,
И рабство тайное, и для иных свобода;
Все это хорошо, я скоро в прозе сам
Развитию хвалу торжественно воздам.
Но сердцем я дикарь! Мне хочется на лоно
Раздольной роскоши моих родных степей,
Где взору нет конца до края небосклона,
Где дремлет в знойный день станица журавлей, -
Один настороже стоит, поднявши ногу,
И в миг опасности готов поднять тревогу;
Где слышен дергача протяжный, грустный стон,
Когда уходит день за дальний небосклон;
Где перепел свистит, таясь в зеленом море
Некошеной травы; где жить им на просторе
Привольно и легко, при ясном, теплом дне,
В благоухающей, безбрежной стороне.
Иль наш дремучий лес, и шум, и колыханье,
И в чаще пенье птиц, и пчел и мух жужжанье...
И вновь мне хочется, чтоб мирно, без тревог,
В тенистой зелени я заплутаться мог,
Дождаться вечера... Закат в мерцаньи дальнем
По листьям золотым блестит лучом прощальным,
За птицей птица вслед смолкает в тишине,
И лес таинственный почиет в свежем сне;
Одни кузнечики, по ветреной привычке,
Трепещут у корней в болтливой перекличке.
Да где-то явственней становится слышна
Ручья журчащего бессонная волна.
И жду я месяца... Он встал над лесом мгlistым,
Прокрался сквозь вершин отливом серебристым,
И призрачно встают, как бы из мира грез,
Все белые, стволы развесистых берез,
Задумчиво в тиши понурились ветвями
И робко шепчутся пахучими листьями...
Но месяц клонится, светлей лесная мгла,
Проснулась иволга, жужжа, летит пчела,
И вновь, разбуженный алеющей зарею,
Заколебался лес под влажною росой.

СВОБОДА (1858 года)

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежном, -
Всю жизнь мне все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!
Измученный рабством и духом унылый
Покинул я край мой родимый и милый,
Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Взывать громогласно заветное слово:
Свобода! Свобода!
И вот на чужбине, в тиши полунощной,
Мне издали голос слышался мощный...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мрак беспомощный,
Сквозь все завывания ветра ночного
Мне слышится с родины юное слово:
Свобода! Свобода!
И сердце, так дружное с горьким сомненьем,
Как птица из клетки, простясь с заточеньем,
Взыграло впервые отрадным биеньем,
И как-то торжественно, весело, ново
Звучит теперь с детства знакомое слово:
Свобода! Свобода!
И все-то мне грезится - снег и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И он говорит мне, снимая оковы,
Мое неизменное, вечное слово:
Свобода! Свобода!
Но если б грозила беда и невзгода,
И рук для борьбы захотела свобода, -
Сейчас полечу на защиту народа,
И если паду я среди битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода!
А если б пришлось умереть на чужбине,
Умру я с надеждой и верою ныне;
Но в миг передсмертный - в спокойной кручине
Не дай мне остынуть без звука святого,
Товарищ! шепни мне последнее слово:
Свобода! Свобода!

1858

ОСЕНЬЮ

Как были хороши порой весенней неги -
И свежесть мягкая зазеленевших трав,
И листьев молодых душистые побеги
По ветвям трепетным проснувшихся дубрав,
И дня роскошное и теплое сиянье,
И ярких красок нежное слиянье!
Но сердцу ближе вы, осенние отливы,
Когда усталый лес на почву сжатой нивы
Свежает с шепотом пожелклые листы,
А солнце позднее с пустынной высоты,
Унынья светлого исполнено, взирает...
Так память мирная безмолвно озаряет
И счастье прошлое и прошлые мечты.

1857-1858

У МОРЯ

Дождь и холод! А ты все сидишь на скале,
Посмотри на себя - ты босая!
Что на море глядишь? В этой пасмурной мгле
Не видать, словно ночью, родная!
Шла домой бы, ей-богу!
"О! я знаю, зачем я сижу на скале;
Что за нужда, что сыро и скверно, -
А его различить я сумею во мгле,
Он сегодня вернется, наверно.
В бурю ловля чудесна!
Он когда уезжал, ветер страшно свистал,
Чайка серая с криком летала;
Он мне руку пожал и, смеясь, сказал:
"Ты не бойся знакомого шквала,
В бурю ловля чудесна!"
Отвязал он и лодку и парус поднял,
Чайка серая с криком летала;
Издали еще он платком мне махал,
Буря лодку свирепо качала...
В бурю ловля чудесна!
Ветер парус его на клочки изорвал,
Чайка серая с криком летала;
И поднялся такой нескончаемый вал,

Что я лодку за ним не видала.
В бурю ловля чудесна!
Я поутру, и днем, и в полночь на скале;
Что за нужда, что сыро и скверно, -
А его различить я сумею во мгле,
Он сегодня вернется, наверно.
В бурю ловля чудесна!"

1857 - 1858

НАПУТСТВИЕ

Научите немудрых
Забудь уныния язык!
Хочу - помимо произвола, -
Чтоб ты благоговеть привык
Перед святынею глагола.
Мне надо, чтобы с уст твоих,
Непраздословных и нелживых,
Звучал поток речей живых,
Как разум ясных и правдивых.
Отбрось рабов обычных школ -
И книжника и фарисея:
Пред ними истины глагол
Проходит, власти не имея.
Учи того, кто не успел
С ума сойти в их жизни ложной,
Кто жаждет, искренен и смел,
Рассудка простоты несложной.
Глагол - орудие свободы,
Живая жизнь, которой днесь
И вечно движутся народы...
Проникнись этой мыслью весь!
Готов ли?.. Ну! Теперь смотри,
Ступай по городам и селам
И о грядущем говори
Животрепещущим глаголом.

<1858>

БАБУШКА

Я помню как сквозь сон - когда являлась в зале
Старуха длинная в огромной черной шали

И белом чепчике, и локонах седых,
То каждый, кто тут был, вдруг становился тих,
И дети малые, резвившиеся внучки,
Шли робко к бабушке прикладываться к ручке.
Отец их - сын ее - уже почтенных лет,
Стоял в смирении, как будто на ответ
За шалость позван был и знал, что он виновен
И прах перед судьей, а вовсе с ним не ровен!
А хитрая жена и бойкая сестра,
Потупясь, как рабы средь царского двора,
Украдкой лишь могли язвить друг друга взглядом,
Пропитанным насквозь лукаво-желчным ядом.
Старуха свысока их с головы до ног
Оглядывала всех, и взор ее был строг...
И так и чуялось: умри она, старуха, -
Все завтра ж врозь пойдут, и дом замолкнет глухо.
Да это и сама, чай, ведала она,
И оттого была жестка и холодна,
И строгий взор ее был полон сожаленья,
Пожалуй, что любви, а более презренья.

1858 (?)

* * *

По краям дороги
В тишине глубокой
Темные деревья
Поднялись высоко;
С неба светят звезды
Мирно сверх тумана...
Сердце?.. Сердце просит
Нового обмана.
В памяти тревожной
Всё былые встречи,
Ласковые лица,
Ласковые речи;
Но они подобны
Призракам могилы,
Не вернут былого
Никакие силы.
О! Когда б пришлось
По дороге темной
Снова для ночлега
Встретить домик скромный,
И в объятьях жарких
Пробудиться рано...

Сердце?.. Сердце просит
Нового обмана.

1857 - 1858 (?)

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

I

РАССВЕТ

Мне детство предстает, как в утреннем тумане
Долина мирная. Под дымчатый покров,
Сливаясь, прячутся среди прохлады ранней
Леса зеленые и линии холмов,
А утро юное бросает в ликованьи
Сквозь клубы сизые румяное сиянье.
Все образы светлы и все неуловимы.
Знакомого куста тревожно ищет взор,
Подслушать хочется, как шепчет лист незримый,
Студеный ключ ведет знакомый разговор;
Но смутно всё... Душа безгрешный сон лелеет,
Отвсюду свежесть ей благоуханно веет.

1854-1855

II

ЛЕС

На горной крутизне я помню шумный лес,
Веками взрощенный в торжественности дикой,
И там был темный грот между корней деревьев,
Поросший влажным мхом и свежей повиликой.
Его тенистый свод незримо пробивая,
Студеный падал ключ лепечущей струей...
Ребенком, помнится, здесь летнею порой
В безмолвной праздности я сиживал, внимая.
Тонули шелесты и каждый звук иль шум
В широком ропоте лесного колыханья,
И смутным помыслом объят был детский ум
Средь грез таинственных и робкого желанья.

1857

III

КРИВАЯ БЕРЕЗА

У нас в большом лесу глубокий был овраг
С зеленым дном из трав, а кверху в свежих силах
Рос густолиственно орешник и дубняк,
Приют певучих птиц и мух прозрачнокрылых.
А через весь овраг, начав с кривых корней,
Береза белая, клонясь дугою гибкой,
Шептала листьями повиснувших ветвей
И гнулась на тот край к земле вершиной зыбкой.
О, как же я любил вдоль по ее спине,
Цепляясь, всползая до самой середины,
И там, качаясь в воздушной вышине,
Смотреть на свет и тень в сырую глубь стремнины!

1659

IV

ДВЕ ЛЮБВИ

Я помню барышню в семействе нам родном -
То было юное и стройное созданье
С весенним голосом, приветливым лицом,
Радужно отроку дарившее вниманье.
С благоговением я на нее смотрел,
Блаженствуя в мечтах стыдливых и спокойных;
Но образ мною всем иной тогда владел -
То женщина была в поре томлений знойных.
Прикосновенье к ней, привет ее любви,
И ласка мягкая, и долгое лобзанье
Рождали тайный жар в ребяческой крови,
На млеющих устах стеснялося дыханье...

1859

V

ПЕРВАЯ ДРУЖБА

Я помню отрока с кудрявой головой,
С большими серыми и грустными глазами...

Тропой росистою мы шли с горы крутой,
В тумане за рекой был город перед нами.
И дальний колокол кого-то звал -к мольбе;
А мы, обнявшись, при утренней деннице,
Мы дружбы таинство поведали себе,
И чистая слеза блеснула на реснице.
Расстались мы детьми... Не знаю, жив ли он..
Но дружбы первый миг храню я и донныне
В воспоминании - как мой весенний сон,
Как песнь сердечную, подобную святыне.

1859

VI

НОВЫЙ ГОД

То было за полночь на самый Новый год,
А я один без сна лежал в моей постели
И слушал тишины дыхание и ход...
Лучи лампадные в бродячей тьме блестели.
В окно виднелся двор; он был и пуст и тих,
По снегу белому с небес луна мерцала...
И мне пришел на ум мой первый, робкий стих
И рифма, как струи падение, звучала.
Я сердце посвящал задумчивой тоске,
В моем едва былом ловил напев унылый,
А мысль какой-то свет искала вдалеке,
И звали к подвигам неведомые силы.

1859 (?)

VII

ДУВР

У моря шумного, на склоне белых скал,
Где слышны вечных волн таинственные пени,
В унылой памяти я тихо вызывал
Моих прошедших дней исчезнувшие тени.
Из отдаленных мест, из смолкнувших времен
Они передо мной, ласкаясь, возникали,
И я, забывшись, поник в блаженный сон
Про счастье детское и детские печали.
О! погодите же, вживитесь в жизнь мою,
Давно минувшего приветливые тени!..

Но вы уноситесь... и я один стою,
И слышу вечных волн тоскующие пени.

1859

ЮНОШЕ

(Подражание Полонию)

[Вероятно, читатель помнит в "Гамлете" - наставление Полония Лаэрту. -
Примеч. Огарева.]

Ступай, мой сын! Постранствуй! Погляди!
Мне, старику, оно уже не лестно!..
Как сонный кот, забившись в угол тесный,
Я не ищу отрады впереди;
А молодежь, с своим орлиным взором,
Летит вперед за волей и простором.
Учись! Пойми, что знание есть власть;
Умей страдать вопросом и сомненьем,
Умей людей любить с благоговеньем,
И претворяй бунтующую страсть
В смысл красоты и веры благородной:
Живи умно, как человек свободный.
Пора любви придет своей чредой:
Умей любовь проникнуть светом дружбы;
Но избегай, как гнета рабской службы,
Тяжелой свычки, праздной и тупой,
Где женщина, весь день дыша разладом,
Тревожит жизнь докучно-мелким ядом.
За истину сноси обидный гнет -
Без хвастовства, но гордо и достойно;
Будь тверд в борьбе и смерть встречай спокойно,
Не злобствуя и зная наперед:

Народы все, помимо всех уроков,
Сперва казнят, а после чтут пророков.
Итак, ступай! Мужайся и расти!
На все кругом смотри пытливым взглядом.
И, действуя наперекор преградам,
Не уходи с заветного пути...
Забудь в труде и страх и утомленье -
И вот тебе мое благословенье.

1859

* * *

Все превосходное,
Все благородное -
Стало бесплодное;
Все, что ничтожное,
Пошное, ложное, -
В жизни всплывает
И отнимает
В виду могилы
Последние силы.
Тут-то и знай -
Сил не теряй!
Как жить ни жутко, -
Все сохраняй,
Все вызывай:
Свежесть рассудка,
Сердца движение,
Жаркое рвение,
Чувство святое
Любви и покоя,
Стойкость борьбы
Против судьбы, -
Чтобы ничтожное,
Пошное, ложное,
Как ни томя, ни губя, -
Не раздавило тебя.
Без ожидания,
Без уставания,
Без содрогания -
Где б ни застиг
Последний миг -
Скажи себе,
Назло судьбе,
Что сохранил,
Покуда жил, -
Все превосходное,
Все благородное.

1859

* * *

Свисти ты, о ветер, с бессонною силой
Во всю одинокую ночь,

Тоску твоей песни пустынно-унылой
Еще я берусь превозмочь.
Я стану мечтать величаво и стройно
Про будущность нашей страны, -
В доверчивой мысли светло и спокойно,
Мне делом покажутся сны.
Я вспомню о прошлом, о жизни сердечной,
Таинственном шепоте дев.
И детской дремотой забудусь беспечно
Под твой похоронный напев.

1859

ПАМЯТИ РЫЛЕЕВА

В святой тиши воспоминаний
Храню я бережно года
Горячих первых упований,
Начальной жажды дел и знаний,
Попыток первого труда.
Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов -
Могучих деятелей племя,
И сеяло благое семя
На почву юную умов.
Везде шептались. Тетради
Ходили в списках по рукам;
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась.
Вот пять повешенных людей...
В нас сердце молча содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась,
И путь означен жизни всей.
Рылеев мне был первым светом...
Отец! по духу мне родной -
Твое название в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводного звездой.
Мы стих твой вырвем из забвенья,
И в первый русский вольный день,
В виду младого поколенья,
Восстановим для поклоненья
Твою страдальческую тень.
Взойдет гроза на небосклоне,
И волны на берег с утра

Нахлынут с бешенством погони,
И слягут бронзовые кони
И Николая и Петра.
Но образ смерти благородный
Не смоет грозная вода,
И будет подвиг твой свободный
Святыней в памяти народной
На все грядущие года.

1859

* * *

Вырос город на болоте,
Блеском суетным горя...
Пусть то было по охоте
Самовластного царя.
Но я чту в Петре Великом
То, что он - умен и смел -
В своеволии самом диком
Правду высмотреть успел,
И казнил родного сына
Оттого, что в нем нашел
Он не доблесть гражданина,
А тупейший произвол!
И я знаю - деспот пьяный,
Пьяных слуг своих собрат,
Был ума служитель рьяный
И великий демократ.

* * *

И если б мне пришлось прожить еще года,
До скорбной старости, венчанной сединою,
С восторгом юноши я вспомню и тогда
Те дни, где разом все явилось предо мною,
О чем мне грезилось в безмолвии труда,
В бесцветной тишине унылого изгнания,
К чему душа рвалась в годину испытанья:
И степь широкая, и горные хребты -
Величья вольного громадные размеры,
И дружбы молодой надежды и мечты,
Союз незыблемый во имя тайной веры;
И лица тихие, спокойные черты

Изгнанников иных, тех первенцев свободы,
Создавших нашу мысль в младенческие годы.
С благоговением взирали мы на них,
Пришельцев с каторги, несокрушимых духом,
Их серую шинель - одежду рядовых...
С благоговением внимали жадным слухом
Рассказам про Сибирь, про узников святых
И преданность их жен, про светлые мгновенья
Под скорбный звук цепей, под гнетом заточенья.
И тот из них, кого я глубоко любил,
Тот - муж по твердости и нежный, как ребенок,
Чей взор был милосерд и полон кротких сил,
Чей стих мне был, как песнь серебряная звонок, -
В свои объятия меня он заключил,
И память мне хранит сердечное лобзанье,
Как брата старшего святое завещанье.

<1861>

МИХАЙЛОВУ

Сон был нарушен. Здесь и там
Молва бродила по устам,
Вспыхала мысль, шепталась речь -
Грядущих подвигов предтечь;
Но, робко зыблясь, подлый страх
Привычно жил еще в сердцах,
И надо было жертвы вновь -
Разжечь их немощную кровь.
Так, цепenea, ратный строй
Стоит и не вступает в бой;
Но вражий выстрел просвистал -
В рядах один из наших пал!..
И гнева трепет боевой
Объемлет вдохновенный строй.
Вперед, вперед! разрушен страх -
И гордый враг падет во прах.
Ты эта жертва. За тобой
Сомкнётся грозно юный строй.
Не побоится палачей,
Ни тюрем, ни ссылок, ни смертей.
Твой подвиг даром не пропал -
Он чары страха разорвал;
Иди ж на каторгу бодрей,
Ты дело сделал - не жалеи!
Царь не посмел тебя казнить...
Ведь ты из фрачных... Может быть,
В среде господ себе отпор

Нашел бы смертный приговор...
Вот если бы тебя нашли
В поддевке, в трудовой пыли -
Тебя велел бы он схватить
И, как собаку, пристрелить.
Он слово: казнь - не произнес,
Но до пощады не дорос.
Мозг узок и душа мелка -
Мысль милосердья далека.
Но ты пройдешь чрез те места,
Где без могилы и креста
Недавно брошен свежий труп
Бойца, носившего тулуп.
Наш старший брат из мужиков,
Он первый встал против врагов,
И волей царскою был он
За волю русскую казнен.
Ты тихо голову склони
И имя брата помяни.
Закован в железы с тяжелою цепью
Идешь ты, изгнанник, в холодную даль,
Идешь бесконечною снежною степью,
Идешь в рудокопы на труд и печаль.
Иди без унынья, иди без роптанья, и
Твой подвиг прекрасен, и святы страданья.
И верь неослабно, мой мученик ссыльный.
Иной рудокоп не исчез, не потух -
Незримый, но слышный, повсюдный, всесильный
Народной свободы таинственный дух.
Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.
Он роется мыслью, работает словом,
Он юношей будит в безмолвьи ночей,
Пророчит о племени сильном и новом,
Хоронит безжалостно ветхих людей.
Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.
Он создал тебя и в плену не покинет,
Он стражу разгонит и цепь раскует,
Он камень от входа темницы отдвинет,
На праздник народный тебя призовет.
Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

<1861>

ВИХРЬ

Мчится вихрь издалека,
 Ветер гонит облака;
 Облака как одурели -
 Мчатся по небу без цели.
 Вдоль дороги пыль, как дым,
 Мчится облаком сухим.
 Рожь, как волны, бьется, гнется,
 С поля прочь куда-то рвется.
 Замахал ветвями сад,
 Листья дико говорят;
 Лист оторванный кружится,
 И уносится, и мчится.
 И смотрю я, сам не свой,
 С беспокойною тоской -
 Мир безумный мчится мимо...
 Устою ль я невредимо,
 Иль уж взял меня разгром
 Вслед за пылью и листом?

1862

ТАТЕ Г<ЕРЦЕН>

В дорогу дальнюю тебя я провожаю -
 С благословением, и страхом, и тоской,
 И сердце близкое от сердца отрываю;
 Но в мирной памяти глубоко сохраняю
 Твой смех серебряный и добрый голос твой,
 И те мгновения, где родственной чертой
 Твой лик напоминал мне образ безмятежной
 Той чудной женщины, задумчивой и нежной.
 Ты едешь в светлый край, где умерла она...
 Невольно думаю с любовью унылой -
 Как сини небеса над тихою могилой,
 Какая вокруг нее зеленая весна,
 Благоуханная, живая тишина.
 И снится мне, как сон, вослед за тенью милой,
 И мягкий очерк гор сквозь голубую мглу
 И дальний плеск волны о желтую скалу.
 Подобно матери, среди чистых помышлений
 Сосредоточенно живи, дитя мое;
 Сердечных слез и дум, труда и вдохновений
 Не отдавай шутя, за блеск людских волнений -
 Тщеславной праздности безумное житье.
 В искусстве ты найдешь спасение свое;
 Ты юное чело пред ним склони отныне

И в гордой кротости служи твоей святыне.

1862

* * *

Береза в моем стародавнем саду
Зеленые ветви склоняла к пруду.
Свежо с переливчатой зыби пруда . .
На старые корни плескала вода.
Под веянье листьев, под говор волны
Когда-то мне грезились детские сны.
С тех пор протянулось множество лет
В волнении праздном и счастья и бед,
И сад мой заглох, и береза давно
Сломилась, свалилась на мокрое дно.
И сам я дряхлею в чужой стороне,
На отдых холодный пора, знать, и мне,
А все не забыл я про детские сны
Под веянье листьев, под говор волны.

1863 (?)

ЕХІІ

[Изгнание (франц.)]

Я том моих стихотворений
Вчера случайно развернул,
И, весь исполненный волнений,
Я до рассвета не заснул.
Вся жизнь моя передо мною
Из мертвых грустной чередою
Вставала тихо день за днем,
С ее сердечной теплотою,
С ее сомненьем и тоскою,
С ее безумством и стыдом.
И я нашел такие строки,
В то время писанные мной,
Когда не раз бледнели щеки
Под безотрадною слезой:
"Прощай! На жизнь, быть может, взглянем
Еще с улыбкой мы не раз,
И с миром оба да помянем

Друг друга мы в последний час".
Мне сердце ужасом сковало:
Как все прошло! Как все пропало!
Как все так выдохлось давно!
И стало ясно мне одно,
Что без любви иль горькой пени,
Как промелькнувшую волну,
Я просто вовсе бедной тени
В последний час не помяну.

1863

* * *

Мой русский стих, живое слово
Святыни сердца моего,
Как звуки языка родного,
Не тронет сердца твоего.
На буквы чуждые взирая
С улыбкой ясною, - умей,
Их странных форм не понимая,
Понять в них мысль любви моей.
Их звук пройдет в тиши глубокой,
Но я пишу их потому,
Что этот голос одинокой -
Он нужен чувству моему.
И я так рад уединенью:
Мне нужно самому себе
Сказать в словах, подобных пенью,
Как благодарен я тебе -
За мягкость ласки бесконечной;
За то, что с тихой простотой
Почтила ты слезой сердечной,
Твоей сочувственной слезой -
Мое страданье о народе,
Мою любовь к моей стране
И к человеческой свободе...
За все доверие ко мне,
За дружелюбные названья,
За чувство светлой тишины,
За сердце, полное вниманья
И тайной, кроткой глубины.
За то, что нет сокрытых терний
В любви доверчивой твоей,
За то, что мир зари вечерней
Блестит над жизнью моей.

<1862-1864>

МОЦАРТ

Толпа на улице и слушает, как диво,
Артистов-побродяг. Звучит кларнет пискливо;
Играющий на нем, качая головой,
Бьет оземь мерный такт широкою ногой;
Треща, визжит труба; тромбон самодовольный
Гудит безжалостно и как-то невпопад,
И громко все они играют на разлад,
Так что становится ушам до смерти больно.
Так что ж? Вся наша жизнь проходит точно так!
В семье ль, в народах ли - весь люд земного шара,
Все это сборище артистов-побродяг
Играет на разлад под действием угара...
Иные, все почти, уверены, что хор
Так сложен хорошо, как будто на подбор,
И ловят дикий звук довольными ушами,
И удивляются, когда страдают сами.
А те немногие, которых тонкий слух
Не может вынести напор фальшивой ноты,
Болезненно спешат, всё учащая дух,
Уйти куда-нибудь от пытки и зевоты,
Проклятьем награди играющих и их
Всех капельмейстеров, небесных и земных.
Люблю я Моцарта; умел он забавляться,
Дурного скрипача и слушать и смеяться;
Он даже сочинил чудеснейший квартет,
Где все - фальшивый звук и ладу вовсе нет;
Над этим, как дитя, он хохотал безмерно,
Художник и мудрец! О, Моцарт беспримерный!
Скажи мне, где мне взять тот добродушный смех,
Который в хаосе встречает ряд утех,
Затем, что на сердце - дорогою привольной -
Так просто весело и внутренне не больно!)

Середина 1860-х

СТУДЕНТ

(Посвящается памяти моего друга Сергея Астракова)

Он родился в бедной доле,

Он учился в бедной школе,
Но в живом труде науки
Юных лет он вынес муки.
В жизни стала год от году
Крепче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей, лучшей доли.
И, гонимый мезтью царской
И боязнию боярской,
Он пустился на скитанье,
На народное воззванье,
Кликнуть клич по всем крестьянам -
От Востока до Заката:
"Собирайтесь дружным станом.
Станьте смело брат за брата -
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу".
Жизнь он кончил в этом мире -
В снежных каторгах Сибири.
Но, весь век нелицемерен,
Он борьбе остался верен.
До последнего дыханья
Говорил среди изгнанья:
"Отстоять всему народу
Свою землю и свободу".

1868

ГРАНОВСКОМУ

Вспомнил я, товарищ,
Ты сошел в могилу,
Миру лучшей доли
Было ждать не в силу.
Я схожу в могилу
Полный утомленья,
Не дождусь я тоже
Миру обновленья.
А настанет время,
Время жизни новой,
В мире отзовется
Истинное слово.
Истинное слово
В мире повторится,
Истинное дело
В мире совершится.
Но не встрепенутся

На глухом погосте
 Нами вековечно
 Сложенные кости.

1868 (?)

* * *

Сегодня настроен мой мозг музыкально,
 Всё слышатся звуки, да звуки, да звуки;
 Не то бы на стуле вздремнулось печально
 От горьких воспоминок и скуки.
 Какая тут музыка, милый ты мой,
 То в пильне машина заводит свой строй,
 Да в школе мальчишки, во славу творца,
 Одну ту же ноту поют без конца,
 И с улицы, в помощь им, голос подвел
 Усталый, забитый осел.
 Не любо мальчишкам, не любо ослам,
 Не любо работнику с пильной машиной,
 Откуда ты музыку выдумал там?
 Напев целой жизни расстроен кручиной,

<1870-1871(?)>

НА НОВЫЙ ГОД

(Лаврову)

Мне звуки слышатся с утра до поздней ночи,
 И многочисленны и полны торжества -
 Отверзты или сном уже сомкнулись очи, -
 И голоса звучат свежо, без ханжества:
 Vive la patrie! Vive la patrie! (1)
 Мне слышатся они на чуждом языке,
 И скорбию томят мой слух изнеможенный.
 Но как тут быть! В родном краю иль вдалеке,
 Везде один конец для жизни утомленной, -
 А все же слышно: Vive la patrie!
 Еще я не погиб и звать готов еще,
 И, бодро отзвонив весь звон наш колокольный,
 Не падши духом, я взываю не вотще,
 Взываю к родине с моей чужбины вольной:
 Вперед! вперед! вперед!

1) Да здравствует родина! - франц.

1876

МОЯ УЛИЦА В ГРИНВИЧЕ

Старик, параличом хваченный,
Идет походкой удрученной,
И, взоры скорбные воздев,
К жильцам шлет крик или напев:
Umbrellas to mend! umbrellas to mend! (1)
Не хватит скудная работа,
Чтоб в жизни легче шла забота,
Но без нее под старость лет
Ни съесть, ни выпить средства нет:
Umbrellas to mend, umbrellas to mend!
Жена и дети по могилам -
Жить долго было не по силам,
А он все жив в параличе,
Несет котомку на плече:
Umbrellas to mend, umbrellas to mend!
Напевы сколько б ни вzywались,
Без чинки зонтики остались,
Не нужен труд, бесплоден клик,
А он все тот же тянет крик:
Umbrellas to mend, umbrellas to mend!

1) Чинить зонтики! (англ.) .

1877.

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни Н. П. Огарева вышли два сборника: Стихотворения. М., изд. К. Т. Солдатенкова, 1856 и Стихотворения. Лондон, 1858; кроме того, в 1857 году в Лондоне вышли отдельной книгой две части поэмы "Юмор". Первой попыткой выпустить поэтическое наследие Огарева полнее было издание, подготовленное М. О. Гершен-зоном: Н. П. Огарев. Стихотворения. Т. I - II. М., 1904. Из советских изданий наиболее авторитетны следующие: Стихотворения и поэмы. Т. I - II. Ред. и примеч. С. А. Рейсера и Н. П. Суриной. Л., "Сов. писатель", 1937 - 1938 ("Библиотека поэта. Большая серия"); Избранные произведения. В 2-х т. Вступит, статья В. А. Путинцева.

Подгот. текста и примеч. Н. М. Гайденкова. М., Гослитиздат, 1956;
Стихотворения и поэмы. Вступит, статья, подгот. текста и примеч. С. А. Рейсера. Л., "Сов. писатель", 1956. ("Библиотека поэта. Большая серия");
Избранное. Вступит, статья, подгот. текста и примеч. Г. Г. Елизаветиной. М., "Худож. лит.", 1977.

В настоящей книге тексты и даты печатаются по изданию Большой серии "Библиотеки поэта" 1956 года. В примечаниях использованы разыскания Н. М. Гайденкова, С. А. Рейсера и Г. Г. Елизаветиной.

Произведения даны в хронологическом порядке.

СТИХОТВОРЕНИЯ

"Огонь, огонь в душе горит..." (стр. 21). Стихотворение является частью письма к А. И. Герцену от 9 сентября 1832 года.

"Когда в часы святого размышленья..." (стр. 22). Стихотворение является частью письма к А. И. Герцену от 7 июня 1833 года.

На смерть поэта (стр. 26), А тот, чья дерзкая рука - речь идет о Николае I. Мундир лакейский - имеется в виду назначение Пушкина камер-юнкером.

"Я видел вас, пришельцы дальних стран..." (стр. 33). Стихотворение посвящено декабристам, с которыми Огарев встречался на Кавказе.

"Итак, с тобой я буду снова..." (стр. 36). Посвящено первой жене поэта - М. Л. Огаревой.

Старый дом (стр. 39). Дом отца Герцена - И. А. Яковлева в Москве, в Большом Власьевском переулке, где Герцен жил до 1830 года.

Деревенский сторож (стр. 41). Белинский писал Боткину: "Ночной сторож" Огарева - прелесть. В душе этого человека есть поэзия". Положено на музыку Алябьевым.

Кабак (стр. 48). Огарев написал к этому стихотворению следующий комментарий: "Да, мне многое и многое хочется схватить из поэтической грусти и жизни России. Наша народность довольно оригинальна и содержит довольно глубокий поэтический элемент, чтоб трудиться представлять ее в поэтических образах. И именно надо спуститься в низший слой общества. Тут-то истинная народность, всегда трагическая. Высший и средний слой, довольно уродливо проникнутый европейской жизнью, имеет больше комического элемента". Положено на музыку Алябьевым.

"Гуляю я в великом божьем мире..." (стр. 53). Стихотворение представляет собой часть письма к Евдокии Васильевне Сухово-Кобылиной (1819 - 1896), сестре драматурга А. В. Сухово-Кобылина, друга юности поэта. Ей посвящен большой цикл стихотворений, не вошедший в данное издание, под названием "Visь der Liebe" ("Книга любви").

"К подъезду! - Сильно за звонок рванул я..." (стр. 59). В стихотворении говорится о Маше Наумовой, родственнице Огарева, жившей в его семье в 1820-х годах.

"На севере туманном и печальном..." (стр. 60). Посвящено Е. В. Сухово-Кобылиной.

Искандеру ("Я ехал по полю пустому..") (стр. 63). В стихотворении речь идет о размолвке между Огаревым и Герценом, с одной стороны, и Грановским - с другой, происшедшей летом 1846 года.

Монологи (стр. 65). Эти стихи вызвали отрицательное мнение Белинского, протестовавшего против их напечатания в "Современнике". Однако они были там опубликованы, хотя и не все. Чернышевский полностью привел их в своей рецензии на сборник стихотворений Огарева 1856 года; он считал, что Огарев в них выразил "важный момент в развитии нашего общества".

Упование. Год 1848 (стр. 70). В 1847 - 1848 годах во многих странах Европы прошли эпидемии холеры. В 1848 году началось революционное движение в Германии, Италии, Франции.

Арестант (стр 75). Написано во время тюремного заключения в 1850 году. Распространилось как народная и солдатская песня.

Сплин (стр. 79). В стихотворении есть отзвуки Крымской войны 1854 - 1855 годов. В волнах морских дмолкнуло дитя - малолетний сын Герцена Николай в 1851 году погиб вместе с матерью Герцена Луизой Гааг при кораблекрушении.

<Е. Ф.> Коршу (стр. 90). Евгений Федорович Корш (1810 - 1897) - литератор и журналист, друг Огарева. С конца 1850-х годов вступил в полемику с Герценом и Огаревым, осуждая их эмигрантскую деятельность.

Предисловие к "Колоколу" (стр. 94). Напечатано в первом номере "Колокола" (19 июня 1857 года).

Отступление (стр. 96). Посвящено Евдокии Петровне Ростопчиной (1811 - 1858) - писательнице, искренне выступавшей со словами сочувствия декабристам, угнетенной Польше, но к концу жизни значительно "поправевшей". Петр Андреевич Клейнмихель (1793 - 1869) - главноуправляющий путями сообщения а 1840 - 1850 годах, ведал постройкой железных дорог и грабил одновременно и казну и рабочих.

К <В. А. Панаеву> (стр. 100). Инженер Валериан Александрович Панаев (1824 - 1899) посетил Огарева и Герцена в Лондоне в 1858 и 1859 годах.

Михайлову (стр. 127). Михаил Ларионович Михайлов (1829 - 1865) - поэт, публицист, осужденный 14 декабря 1861 года на шесть лет кагорги за революционную прокламацию.

Тате Г<ерцен> (стр. 131). Тата - Наталья Александровна Герцен (1844 - 1936), старшая дочь Герцена. Отклик на отбытие дочерей Герцена Натальи и Ольги из Лондона в Италию в 1862 году.

Ты едешь в светлый край, где умерла она - речь идет о жене Герцена Наталии Александровне Герцен (1817 - 1852), похороненной в Ницце.

В искусстве ты найдешь спасение свое - Тата Герцен успешно занималась живописью.

"Мой русский стих, живое слово..." (стр. 134). Обращено к Мери Сетерлеид.

На новый год (стр. 141). Ответ на следующее стихотворение **П. Л. Лаврова**, посвященное Огареву:

Поклон борцу минувших лет
На новый день его рожденья!
Пусть примет дружеский привет
Во имя вечного движенья,

Во имя боя всех веков
За справедливость и свободу,
Во имя всех живых борцов
За благо русского народа.

Мы помним "Колокола" звон!
Он разбудил от сна Россию;
И вот теперь со всех сторон
Идут на бой борцы иные.

Идут в измученный народ,
Идут в голодные селенья;
Всех русских голос их зовет
В бой за народное спасенье.

Пусть их казнят лакейский суд,
Пусть их измучат палачами,
Пусть ждет их смерть, - они несут
В народ свое святое знамя,

То знамя общего труда,
То знамя братства и науки,
И не опустят никогда
Его израненные руки.

В победу веруют они,
В победу правды и свободы;
Придут, придут святы дни,

Восстанут спящие народы,

Пройдет безумие веков,
Пройдут их вечные страдания,
И кровью нынешних борцов
Скрепится будущее зданье.

Тогда, в день светлый торжества,
Людей счастливых поколенья
Сочтут дела, прочтут слова
Борцов за их освобожденье,

Припомнят в прошлом ряд имен
Тех, что за истину страдали,
И грозный "Колокола" звон
Запишут в вечные скрижали.

Петр Лаврович Лавров (1823 - 1900) - поэт-публицист, идеолог революционного народничества. В эмиграции, уже после смерти Герцена, Огарев близко знал Лаврова.

P1
O-36

Составление, вступительная статья и примечания Виктора Афанасьева
Гравюра Н. И. Калиты
Оформление Ю. И. Батова

Огарев Н. П.

0-36 Стихотворения и поэмы/Сост., вступ. статья и примеч. В.
Афанасьева; Грав. Н. И. Калиты. - М.: Сов. Россия, 1980. - 256 с, 1 л.
портр.; - (Поэтическая Россия).

В сборник вошли избранные стихотворения Николая Платоновича Огарева,
друга и соратника А. И. Герцена, публициста и поэта, а также две его поэмы
- "Юмор" и "Зимний путь".

70401-204
O-----132 - 80 4702010100
M-105(03)80

Николай Платонович Огарев

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

Редактор С. В. Музыкаченка.
Художественный редактор В. А. Масленников
Технический редактор Т. С. Маринина.
Корректор Э. З. Сергеева.

ИБ jYa 1935

Сдано в набор 17.12.79, Поди, в печать 28.05.80. Формат 70X108 1/32.
Бумага тиногр. ЛЬ 1, Гарнитура академическая. Печать высокая. Усл. п. л.
11,20. Уч.-изд. Л. 9.85, Тираж 100,000 экз Заказ ЛЬ 1034, Цена 95 к, Изд.
инд. ЛХП-106,
Издательство "Советская Россия" Государственного комитета РСФСР ПО
делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Москва, проезд Сапунова,
13/15. Книжная фабрика N 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь
Московской области, ул. им. Тевосяна, 25s t

OCR Pirat

Правовая информация: если Вы являетесь автором и/или правообладателем данного произведения и возражаете против его нахождения в открытом доступе, сообщите нам по адресу copyright@rulib.net, и мы немедленно удалим указанную работу.